

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

COLUMBIA LIBRARIES OFFSITE

CU08676950

**Columbia University
in the City of New York**

THE LIBRARIES

Ек. Бекетова.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНИЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія бр. Пантелеевыхъ, Вереяская, 11.

1895.

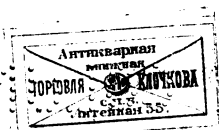
891.7K865

L

Дозволено цензурою. Спб. 2 Ноября 1894 года.

104837
'07.

Exchange

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Екатерина Андреевна Краснова, рожденная Бекетова, стихотворенія которой собраны въ этой книгѣ, родилась 17 Августа 1855 года. Отецъ ея — извѣстный профессоръ ботаники С.-Петербургскаго университета, А. Н. Бекетовъ; мать, Елизавета Григорьевна, дочь естествоиспытателя Гр. С. Карелина, тоже пользуется извѣстностью, какъ писательница и переводчица (преимущественно съ англійскаго).

Свое воспитаніе и образованіе Екатерина Андреевна получила дома, подъ руководствомъ своихъ родителей, вслѣдствіе чего въ ней рано развился вкусъ къ литературѣ и изящному. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ она писала стихи, слагая ихъ прямо по слуху. Но ея литературные вкусы окончательно окрѣпли и получили полное развитіе послѣ двухлѣтняго пребыванія на высшихъ женскихъ (Бестужевскихъ) курсахъ, гдѣ Екатерина Андреевна занималась подъ руководствомъ профессоровъ: Бестужева-Рюмина, Бауэра, А. Н. Веселовскаго и Янсона. Особенное вліяніе на молодую писательницу оказалъ проф. Веселовскій. Екатерина Андреевна составляла подъ его руководствомъ курсъ лекцій средне-вѣковой литературы, для котораго переводила въ прозѣ и стихахъ большіе отрывки сочиненій средне-вѣковыхъ писателей и нѣкоторыя болѣе извѣстныя ихъ стихотворенія. Образецъ такого перевода — знаменитаго гимна св. Франциска Ассизскаго — читатели найдутъ въ предлагаемой книгѣ, въ отдѣлѣ „Изъ иностранныхъ поэтовъ“.

Болѣзнь не дала Екатерины Андреевны окончить высшіе курсы: ей пришлось уѣхать за границу. Зато эта поездка дала ей возможность воочию увидѣть великія произведенія искусства и подробно усвоить и изучить иностранныя литературы и языки: англійскій, испанскій, италіанскій, нѣмецкій и французскій, съ которыхъ впоследствии Екатерина Андреевна много переводила.

Начало собственно литературной дѣятельности Екатерины Андреевны относится къ концу семидесятыхъ и началу восьмидесятыхъ годовъ. Около этого времени напечатаны ея первыя стихотворенія и повѣсть „Не судьба“, появившаяся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1881 годъ и обратившая вниманіе критики на молодую писательницу.

Впоследствии, однако, Екатерина Андреевна специализировалась въ качествѣ дѣтской писательницы. Какъ таковая, она была всего извѣстнѣе. Она написала цѣлый рядъ стихотвореній, мелкихъ разсказовъ и передѣлокъ иностранныхъ романовъ для дѣтей. Нѣкоторыя изъ нихъ („Два міра“, „Водни оны“, „Черная стрѣла“, „Копи царя Соломона“) изданы отдѣльно.

Какъ знатокъ иностранныхъ языковъ и прекрасный стилистъ, Екатерина Андреевна охотно бралась за переводы съ иностранныхъ языковъ, особенно классическихъ авторовъ. Благодаря ея переводамъ, наша публика отчасти познакомилась и съ испанской литературой. Ею переведена поэма испанскаго поэта Эспронседа „Саламанскій студентъ“ (въ „Заграничномъ Вѣстникѣ“ Корша), цѣлый рядъ новеллъ Г. А. Бекера (испанскаго Гофмана), романъ „Глорія“ Переса Гальдоса, наконецъ, она же впервые познакомила русскую публику съ испанской писательницей, Пардо Басанъ, въ критическомъ очеркѣ, напечатанномъ въ „Книжкахъ Недѣли“. Изъ переводовъ Екатерины Андреевны отдѣльно изданы „Персидскія письма“ Монтескье г. Пантелеевымъ и „Павель и Виргинія“ Бернардена де-Сенъ-Пьера, въ „Дешевой библіотекѣ“ А. С. Суворина.

Но всего ярче проявлялись дарованія Екатерины Андреевны, по справедливому замѣчанію автора ея некролога въ „Вѣстникъ Воспитанія“ (за 1892 годъ, № 5), въ ея поэтическихъ произведеніяхъ: „Она съ наибольшей охотой посвящала свое время поэзій, но рѣдко отдавала въ печать свои стихотворенія, исключая написанныхъ для дѣтскаго возраста. Унаслѣдованная отъ отца, посвятившаго свою жизнь наблюденію и разъясненію законовъ растительнаго царства, любовь въ природѣ вспыхивала въ душѣ при малѣйшемъ новомъ проявленіи вѣчно-юной красоты и выливалась въ легкихъ, полныхъ чувства строфахъ“. Стихотворенія эти и написаны, въ большинствѣ, среди природы, въ деревенской обстановкѣ имѣнія Бекетовыхъ, близъ ст. Подсолнечной, Николаевской желѣзной дороги, въ которомъ Екатерина Андреевна обыкновенно проводила лѣто и начало осени.

Въ 1891 году Екатерина Андреевна вышла замужъ и съ небольшимъ черезъ годъ, еще въ цвѣтѣ лѣтъ, 4 мая 1892 года, скончалась и похоронена въ С.-Петербургѣ, на Смоленскомъ кладбищѣ.

ПОСМЕРТНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ЛѢТНІЯ ВИДѢНІЯ.

Плавно по небу скользятъ облака золотыя,
Вдаль унося за собою зари отраженье;
Вѣтеръ утихъ, не колыхнетъ деревья густыя.
Тихо. Откуда-жь въ цвѣточныхъ полянахъ
движенье?

Что такъ колеблетъ цвѣты, будто вѣтра дыханье?
Что, окропленные чистой алмазной росой,
Клонятъ головки они? Пронеслось колыханье,
Трепетъ прошелъ по лугамъ полосю...

Это, незримо для глазъ, пронеслися толпою
Нимфы по лугу, одеждой цвѣты задѣвая;
Клонятся тихо цвѣты подъ ихъ нѣжной стопю,
Въ воздухѣ сладкій кругомъ аромать разливая...

1878.

П Р У Д Ъ.

Въ лѣсу есть прудъ глухой, заросшій тростникомъ;
Вода въ немъ тихо спитъ подъ зеленью густою;
Толпа сѣдыхъ березъ стѣснилася кругомъ,
Задумчиво сълонясь вудрявою листвою.

Я знаю: въ мирный часъ, когда угаснетъ день,
Покой и тишина природу всю объемлетъ,
Надъ сонною землею начнетъ сгущаться тѣнь
И все живое спитъ, и самый воздухъ дремлетъ,—

Раздастся шорохъ вдругъ средь мирной тишины,
И, бѣлюя рукой осоку раздвигая,
Надъ зеркаломъ пруда, изъ водной глубины,
Всплыветъ русалка молодая...

Проврадется она въ уснувшимъ берегамъ
И, тихо притааясь межъ тростниковъ росистыхъ, .
Внимаетъ въ тишинѣ прибрежнымъ соловьямъ
И на водѣ слѣдитъ игру лучей сребристыхъ.

1878.

* * *

Цвѣтущая весна таеъ много совершила
Въ ночь майскую таинственныхъ чудесъ:
Поля, луга и садъ дождемъ осеребрила
Новорожденныхъ звѣздъ, просыпанныхъ съ небесъ.

И зацвѣли онѣ въ травѣ, между листьями,
На небо обратясь сіяющимъ лицомъ;
Повисли на вѣтвяхъ вишневыми цвѣтами,
На яблоняхъ блестать серебрянымъ вѣнцомъ.

Изъ этихъ свѣтлыхъ звѣздъ своей рубою нѣжной
Блестательный вѣнецъ сплела себѣ весна:
Невѣста убралась гирляндой бѣлоснѣжной,
И въ брачной красотѣ предстала мнѣ она...

1879.

С Е С Т Р Ъ.

Въ глухую ночь, когда бѣгутъ
Очей усталыхъ сновидѣнья,
И мысли спать мнѣ не дають,
И на яву томятъ видѣнья;

Когда волнуешь сладко грудь
Мечтаній робкихъ рой пугливый,
И сквозь окно находитъ путь
Убравдой мѣсяць шаловливый;—

Чтобъ успокоить мысль свою,
Смирить борьбу въ груди мятежной,
О, другъ мой! на постель твою
Я обращаю взоръ свой нѣжный.

Твой обликъ въ сумрагѣ ночномъ
 Бѣлѣть смутно на постели,
 И спишь ты непорочнымъ сномъ,
 Спишь, какъ младенецъ въ колыбели.

Лицо твое не видно мнѣ
 При блѣдномъ мѣсячномъ сіяньи;
 Но ясно слышно въ тишинѣ
 Твое споконное дыханье.

И тамъ, гдѣ густо тѣнь лежитъ
 Вкругъ изголовья, надъ тобою,
 Тамъ, мнится, ангелъ твой сидитъ,
 Къ тебѣ склонившись головою.

И я ищу во тьмѣ его,
 Ищу сіянья крылъ прозрачныхъ,
 Близъ изголовья твоего,
 Среди тѣней туманно-мрачныхъ...

И часто видится онъ мнѣ...
 Въ душѣ волненіе стихаетъ;
 Я забываюсь въ сладкомъ снѣ:
 Твой ангелъ миръ мнѣ навѣваетъ!

1879.

* * *

Смотрю я на небо глубоко лазурное,
Въ пучину воздушныхъ морей,
Гдѣ блещетъ заката сіянье пурпурное
Въ сверканыи багровыхъ лучей;
И мыслью стремлюсь я въ пространство безбрежное,
Гдѣ отблескъ заката дрожить;
И бьется въ груди моей сердце мятежное,
Безумной мечтою горить...

О, дайте мнѣ крылья, какъ небо, лазурныя
И легкость прозрачныхъ паровъ!
И розы, какъ пламень заката, пурпурныя
Пускай мой усѣютъ покровъ;
Съ небесной лазури пусть звѣзды блестящія
Мое украшаютъ чело;
И пусть унесутъ меня крылья шумящія
Въ пространство, гдѣ вѣчно свѣтло!...

1879.

* * *

Я знаю: намъ всѣмъ суждено умереть,
 И жизнь лишь на время дается;
 Всѣмъ смертнымъ въ могилѣ глубокой истлѣть
 И съ прахомъ смѣшаться придется,
 И, Боже!.. Такъ долго лежать подъ землей,
 Такъ долго лежать подъ землею...

Я знаю, что смерть надъ душой не вольна,
 Надъ духомъ безсмертнымъ и вѣчнымъ.
 Я вѣрю, что духъ мой воскреснетъ отъ сна,
 Проснется къ вѣкамъ безконечнымъ...
 Но, Боже!.. Какъ долго лежать подъ землей,
 Какъ долго лежать подъ землею...

Я вѣрю, что въ небѣ сіянье и свѣтъ
 Въ блистаньи свѣтилъ беззакатныхъ,
 Что тамъ ни рыданій, ни горестей нѣтъ,

И слава чудесъ непонятныхъ...
Но, Боже!.. Какъ долго лежать подъ землей,
Какъ долго лежать подъ землею...

1879.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВѢЗДА.

На ясномъ небѣ, въ часъ заката,
Звѣзда вечерняя горитъ,
И алымъ пламенемъ объята
Въ прозрачномъ воздухѣ дрожить.

Когда зари погаснетъ пламень
И отблескъ яркій улетитъ,
Какъ дорогой алмазный камень,
Звѣзда вечерняя горитъ...

Когда весь сводъ небесъ глубокихъ
Звѣздами полночь населитъ,
То въ сторонѣ отъ свѣтлоокихъ
Звѣзда вечерняя горитъ...

Когда сбѣгутъ ночныя тѣни
И вѣстникъ утра—вѣтръ спѣшитъ
Отъ сна воззвать лѣсныя сѣни,
Звѣзда вечерняя горитъ...

Она дрожить подъ небесами
Въ сіяньи трепетныхъ лучей,
И взоры искрятся слезами
Ея серебряныхъ очей...

Она одна, одна въ пространствѣ,
И въ одиночествѣ блеститъ,
Одна въ серебряномъ убранствѣ
Звѣзда вечерняя груститъ...

1879.

СТАРАЯ ЛЮБОВЬ.

Не упрекай меня, что я забыть не въ силахъ
И съ прошлымъ не могу разстаться никогда,
Какъ будто вновь любить я сердцу запретила,
Чтобъ сохранить любовь былую навсегда.

То не моя вина: я скорбью не питаюсь
И не лелѣю ранъ въ измученной груди,
Къ моей былой любви назадъ не обращаюсь,
Хоть не ищу иной любви я впереди.

Вѣдь для меня любовь другая невозможна,
И новая стрѣла меня не поразить:
О, какъ бы не прошла мнѣ въ сердце осторожно,
Но мимо старыхъ ранъ она не пролетить,
И прошлый мой недугъ расшевелить тревожно,
И старую любовь безумно оживитъ...

1880.

НА РОІНТЕ.

Ужъ тѣни сизыя, какъ дымкой, облекли
Безлиственныхъ деревъ нагія очертанья;
Морской равнины гладь чуть брежжется вдали,
И тускло ближнихъ водъ спокойное мерцанье.
У низкихъ береговъ еще не стоялъ ледъ
И обнимаетъ ихъ бѣлѣющей каймою;
Какъ въ зеркалѣ, видны на лонѣ тихихъ водъ
И небо блѣдное съ поблекшею зарею,
И рощи грустныя, и полная луна,
Рой легкихъ облаговъ пронзившая лучами;
И царствуетъ кругомъ покой и тишина,
И мирно воды спятъ, обнявшись съ берегами...
О, нѣтъ! То не весна... То грезы о веснѣ,
То на весну и жизнь лишь смутныя надежды:
Природа спитъ еще, забывшись въ мирномъ снѣ,
И на зарѣ весны сомкнула тихо вѣжды...

1886.

РУСАЛКЪ.

(А. И. Менделѣвой).

Русалка милая! Вчера передо мной
Стояла ты въ своемъ причудливомъ нарядѣ,
И съ головы твоей роскошною волной
Сбѣгали на плеча волосъ блестящихъ кудри.
Ты кудри обвила зеленымъ тростникомъ
И незабудками, и бѣлыми цвѣтами
И, вся смущенная, понизивши челомъ,
Смотрѣла на меня счастливыми глазами,
Стыдяся своей красы. И тѣмъ мила мнѣ ты,
Что эта пестрота воздушнаго наряда,
Всѣ эти жемчуга, кораллы и цвѣты,
Надѣтые тобой на праздниѣ маскарада,—
Русалочный уборъ, но не русалка ты...
Нѣтъ! чистое, какъ снѣгъ, беззлобное созданье,
Объятія твои на гибель не манять,
И не сулятъ уста холоднаго лобзанья;

Коварствомъ не блестить твой безмятежный взглядъ:
Ни вызова въ немъ нѣтъ, ни хитраго признанья...
Нарядъ тебѣ къ лицу, и въ немъ ты хороша;
Но всежь сердца влечетъ къ тебѣ неотразимо
Не видъ волшебницы, а женщины душа,
И сердце женщины, любившей и любимой!

1886.

Р О Д Н О Й.

Ничего нѣтъ въ цѣломъ мірѣ
Старше неба голубого,
Старше звѣздъ въ ночномъ эфирѣ,
Старше солнца золотого;

Но красой непреходящей
Наполняетъ міровданье
Солнца свѣтъ животворящій,
Звѣздъ алмазное сіянье.

Такъ и ты, звѣзда родная,
Дольше всѣхъ душъ свѣтила;
Но, старѣясь, догорая,
Свѣтъ свой ясный сохранила;—

Свѣтъ любви, неугасимый,
Какъ небесныхъ звѣздъ сіянье,
Пережилъ въ душѣ родимой
Жизни долгое страданье.

1888.

* * *

Покой глубокій, безмятежный;
Уснувшій, неподвижный садъ,
И опьяняющій, и нѣжный
Гелиотроповъ ароматъ...

Пустынно все. Темна аллея;
Въ ней тѣни черныя лежатъ,
И звѣзды, искрясь и свѣтлѣя,
Сквозь вѣтви темныя глядятъ.

О, ночь! Наединѣ со мною
Ты нѣгу въ душу мнѣ влила
И ароматною волною
Меня, лаская, обняла.

Въ своемъ таинственномъ молчаньи
Любовь незримо ты таишь,
И на уста зовешь лобзанья,
И кровь уснувшую живишь.

1888.

П Ъ С Н Я.

Весь небосклонъ горѣлъ звѣздами;
Прозраченъ сумракъ былъ ночной,
И пѣсня громко надъ полями
Катилась страстною волной.

Кто пѣлъ ее, нѣвецъ случайный,
Чье сердце звуками полно,—
То скрыто все ночью тайной.
Но мнѣ понятно все равно,

Что сердце тамъ живое бьется:
За сердце — звуки говорятъ...
Живая пѣсня раздается,
И звѣзды свѣтлыя горять.

1888.

* *
* *

На блѣдномъ золотѣ заката
Чернѣль стѣнной зубчатый лѣсъ,
И синей дымкою объято,
Сливаясь съ куполомъ небесъ,
Во всѣ концы струилось море
Ужъ доврѣвающихъ полей,
И волновалось на просторѣ
Въ сіяньи гаснущихъ лучей.

Закать потухъ... Но свѣтъ негнѣнный
Ужъ на землѣ теперь сіялъ
И, на поляхъ запечатлѣнный,
Вечерній сумракъ озарялъ.
И съ вышины смотрѣло небо,
Одѣвшись мантией ночной,
Какъ волны золотого хлѣба
Вносили свѣтъ во мракъ земной...

1888.

ПАМЯТЬ О ВЕСНѢ.

Въ осенній день, въ садъ опустѣлый
Вдругъ мотылекъ жемчужно-бѣлый
Изъ странъ воздушныхъ залетѣлъ.

Давно ужъ всѣ цвѣты увяли,
И листья землю устилали,
И сводъ небесный поблѣднѣлъ;

Ужь близокъ часъ осенней бури...
Какъ безъ цвѣтовъ и безъ лазури
Свой краткій вѣкъ онъ пролетитъ?

Въ осеннемъ сумракѣ аллеи
Крылами млечными блѣда,
Весну онъ въ памяти живить,

И мнится, что цвѣтокъ весенній
Расцвѣлъ въ печальный день осенній,
Сіяя нѣжной бѣлизной...

Вотъ улетѣлъ онъ, гость случайный,
И вслѣдъ ему съ тоскою тайной
Весь грустный садъ глядитъ со мной.

1888.

ЖУРАВЛИ.

Вчера еще лѣсъ опустѣлый
Прощался печально со мной,
Роняя свой листъ пожелтѣлый —
До радостной встрѣчи весной.

Мнѣ листья весь путь усыпали
Беззвучнымъ дождемъ золотымъ,
И тихо деревья шептали,
Чтобъ я возвращалася къ нимъ...

Разстаться намъ было такъ трудно...
Вдругъ съ неба, иль съ дальнихъ полей,
Такъ звучно, такъ грустно, такъ чудно
Раздался призывъ журавлей.

Отъ этихъ лѣсовъ пожелтѣлыхъ,
Отъ этихъ поблекшихъ небесъ
На крыльяхъ могучихъ и смѣлыхъ
Въ страну вѣчно-юныхъ чудесъ—

Они улетать собирались
И, скорби своей не тая,
Съ родными лѣсами прощались—
Прощались печально, какъ я.

Ихъ крикъ прозвучалъ, какъ рыданье,
И вдаль потянуло меня...
О, лѣсъ мой родной! До свиданья!...
До перваго майскаго дня,

До пѣсни прощай соловьиной...
Разстаться съ тобою мнѣ жаль;
Но слышишь?.. То крикъ журавлиный
Зоветь меня въ свѣтлую даль!

1888.

О С Е Н Ь Ю.

Deshojadas y marchitas
Pobres flores de tu alma...

Espron ceda.

О, молодость моя, и вы, цвѣты живые!
 Не хочется вамъ, бѣднымъ, умирать...
 Но вы, цвѣты луговъ, весною возродитесь,
 Ты-жь, молодость моя, не разцвѣтешь опять.
 Прощай!.. Твои цвѣты навѣки облетѣли;
 А я... я не могу надъ ними не рыдать,
 Въ пустѣющемъ саду брожу одна безъ цѣли,
 И подъ ногою листь не устаетъ шуршать.
 Увядшіе листьы, увядшія надежды!..
 Какъ вы усыпали мой одиноій путь!
 Зачѣмъ я не могу надѣяться, какъ прежде,
 И сладкою мечтой разсудокъ обмануть?
 Зачѣмъ я не могу, сомнѣнувъ навѣки вѣжды,
 Спокойнымъ, зимнимъ сномъ съ природою уснуть?

1889.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

3*

В О Ч И.

Сколько чудныхъ, волшебныхъ ночей
Я въ блаженныхъ мечтахъ проводилъ
Въ свѣтѣ лунныхъ лучей, не спуская очей
Съ неподвижно мерцавшихъ свѣтиль!
Но тогда мою жизнь не туманила тѣнь,
И въ груди молодой былъ безоблачный день...

Какъ любилъ я по тихимъ водамъ,
При сіяніи южной луны,
Съ пѣсней плыть къ берегамъ, чтобъ къ далекимъ звѣздамъ
Пѣснь неслася на гребнѣ волны...
Но тогда мою жизнь не туманила тѣнь,
И въ груди молодой былъ безоблачный день...

И на сѣверѣ ночь безъ тѣней
Я любилъ больше яркаго дня;
Мнѣ дышалось вольнѣй, и на сердцѣ полнѣй
Было въ этой ночи у меня...
Но тогда мою жизнь не туманила тѣнь,
И въ груди молодой былъ безоблачный день...

1877.

С О Н Ъ.

Когда ты, мой другъ, разлюбила меня,
Въ безуміи я повторялъ,
Что ты умерла... Съ того грустнаго дня
Я счастье навѣкъ потерялъ.

При мысли, какъ много терялъ я въ тебѣ,
Я горько, безумно рыдалъ,
И разъ утомленный, въ душевной борьбѣ,
Во снѣ я тебя увидалъ.

Лежала ты въ бѣломъ гробу, на цвѣтахъ,
Безъ жизни, дыханья, тепла—
Съ улыбкой спокойной на блѣдныхъ устахъ,
Безстрастна, нѣма и свѣтла...

Таинственной смерти печать на челѣ,
Обвитомъ цвѣточнымъ вѣнцомъ,
Отнынѣ живому чужда на землѣ,
Съ холоднымъ недвижнымъ лицомъ.

И сердце отъ скорби разбилось: во прахъ
Безъ чувствъ я упалъ на порогъ,
Упалъ и... проснулся въ тоскѣ и слезахъ,
И долго очнуться не могъ...

О, другъ мой! То былъ только призракъ и сонъ;
Ты полною жизнью живешь..
И пусть я на вѣки съ тобой разлученъ:
Лишь знать, что ты гдѣ-то цвѣтешь!

1877.

* * *

Когда несется вихрь и рветъ, и гонитъ тучи,
И въ воздухѣ ночномъ и воетъ, и свиститъ,—
Его угрюмый вой, его порывъ могучій
Волнуетъ душу мнѣ и сердце веселить.
Я чувствую тогда, что силы есть живыя;
Я слышу—міръ живетъ, и въ мірѣ есть борьба;
Тогда не спать во мнѣ и силы молодя;
Я сознаю:—впередъ влечетъ меня судьба!
И самый жизни ходъ, и самое стремленье
Понятно въ вихрѣ мнѣ, въ порывахъ громовыхъ.
Стихійное великое движенье
Мнѣ тайну отерываетъ ихъ:
То мчится въ вѣчность жизнь!..

1878.

О Ж И Д А Н І Е.

Могучая весна природу разбудила...
Все возродилось вновь; все дышитъ и растетъ,
И солнца майскаго живительная сила
И жизнь, и красоту природѣ всей даетъ.
О, какъ бы я расцвѣтъ весны остановила,
Чтобъ милыхъ усладить весенней красотой!..

Погодите,
Не спѣшите:
Милыхъ нѣтъ еще со мной!

Полураскрытая, полна благоуханья,
Въ саду моемъ густомъ колышется сирень

Отъ вѣтра легкаго и сладкаго дыханья
 И темною листвою кругомъ бросаетъ тѣнь.
 Я на нее смотрю съ тоскою ожиданья:
 Распустятся цвѣты съ могучей красотой!..

Погодите,
 Не цвѣтите:
 Милыхъ нѣтъ еще со мной!

А въ роцѣ молодой, прохладной и тѣнистой,
 Душистыхъ ландышей селеніе ростеть;
 Раскрывшись, каждый ихъ цвѣточекъ серебристый
 Волшебный ароматъ далеко разольеть...
 Мѣстами ужь цвѣты, среди травы росистой,
 Сіяють издали жемчужной бѣлизной...

Погодите,
 Не цвѣтите:
 Милыхъ нѣтъ еще со мной!

Мерцають и дрожать, въ эфирѣ зажигааясь,
 Серебристые лучи созвѣздій и планетъ,
 И юная луна, межъ ними возгораясь,
 На землю тихо льетъ свой блѣдный, кроткій свѣтъ;
 Сквозитъ она въ вѣтвяхъ и, въ рѣчкѣ отражаясь,
 Играетъ лучъ ея съ прозрачною волной...

Погодите,
 Не спѣшите:
 Милыхъ нѣтъ еще со мной!

Роскошною весной и ночью вдохновенный,
 Поеть въ моемъ саду, тоскуя, соловей;
 Тамъ, гдѣ сверкаетъ прудъ, луною озаренный,
 Онъ свиль гнѣздо у водъ, среди густыхъ вѣтвей.
 И звуки пѣсни той изъ чащи благовонной
 Несутся и дрожать, звеня въ тиши ночной...

Погодите,

Замолчите:

Милыхъ нѣтъ еще со мной!

Краса, расцвѣтъ цвѣтовъ, весны благоуханья,
 И пѣсни соловья, и яркій блескъ свѣтилъ
 Украсятъ пусть собой блаженный часъ свиданья,
 Чтобъ этотъ часъ въ себѣ все, все соединилъ!..
 Теперь же пусть замретъ природа въ ожиданьи,
 Со мной оживлена надеждою одной...

Погодите,

Не спѣшите:

Милыхъ нѣтъ еще со мной!

1878.

СИРЕНЬ.

По утру, на зарѣ,
По росистой травѣ,
Я пойду свѣжимъ утромъ дышать;
И въ душистую тѣнь,
Гдѣ тѣснится сирень,
Я пойду свое счастье искать...

Въ жизни счастье одно
Мнѣ найти суждено,
И то счастье въ сирени живетъ;
На зеленыхъ вѣтвяхъ,
На душистыхъ кистяхъ
Мое бѣдное счастье цвѣтетъ...

1878.

G O N D E L L I E D.

(«Пѣсня безъ словъ» Мендельсона).

Тихо, ласково колыхается
Адріатички волна..
Въ плескѣ водномъ пѣсня слышится,
Меланхоліи полна.

Воздухъ полнъ благоуханіемъ,
Полонъ вѣги и тепла,
И весна своимъ дыханіемъ
Вѣетъ, радостно свѣтла.

И дворцы собой любуются,
Отражаясь въ волнахъ,
И заря горитъ-врасуется,
Разливаясь въ небесахъ.

Какъ померкнетъ твердь небесная,
И начнетъ сгущаться тѣнь,—
О, сойди, сойди, прелестная!
Ты по мрамору ступень.

Протани мнѣ руку нѣжную,
И въ гондолу сядь со мной:
Поплывемъ мы въ даль безбрежную,
Увлеченные волной,—

Межь рядами полумрачными
Гордыхъ мраморныхъ дворцовъ
И подъ арками прозрачными
Перекинутыхъ мостовъ,—

Въ даль, гдѣ ласково волнуется
Адріатики волна...
Въ плескъ водномъ пѣсня слышится,
Меланхолиі полна...

1878.

* * *

Въ молчаньи и въ тиши любовь свою таятъ
 Безропотно влюбленный безнадежно;
 Но время и любовь въ невзгуду превратить:
 Желанье мстить проснется неизбежно.

За каждый смѣлый взглядъ, кокетливо-живой,
 За вѣтренный, иль ложный знакъ вниманья,
 За пылъ обманчивый, за холодъ ледяной—
 За все, за все наступить воздаянье.

Кого въ своей душѣ лелѣялъ и хранилъ,
 Кого считалъ святыней и кумиромъ,
 Быть можетъ, онъ потомъ съ злорадствомъ бы разбилъ
 И проляля съ радостью предъ цѣлымъ міромъ...

Но не всегда дано кумиръ свой разбивать,
Когда душѣ наскучитъ обожанье;
Не всякому дано презрѣньемъ убивать,
Казнить и мстить за прежнее страданье!..

1878.

ПѢСЕНКА.

Туча мрачная темнѣеть,
Небо застилая.
А на сердцѣ пламенѣеть
Зорька золотая.

Страшно вихрь крутится снѣжный;
Иней серебрится.
А въ груди моей мятежной
Сердце веселится.

Воды скованы живыя
Цѣпью ледяною.
Бъ сердцу-жь силы молодя
Хлынули волною.

Злится буря; стонетъ вьюга;
Вѣтеръ завываетъ.
А на сердцѣ гостя юга,
Птичка распѣваетъ.

И хотя въ природѣ хладной
Смерть царить нѣмая,
Въ сердцѣ цвѣтъ весны отрадной,
Жизнь и радость мая!

1878.

ВЕСНА.

Я снова, средь полей, среди уединенья;
Я наслаждаюсь вновь свободой и весной,
И наяву меня тревожатъ сновидѣнья,
И призраки опять встають передо мной.

Куда влечетъ меня, чего хочу—не знаю;
Но все стремлюсь душой въ таинственную даль,
И все чего-то жду, о чемъ-то все мечтаю,
И все томить меня безвѣстная печаль...

Дышать такъ хорошо, и все кругомъ такъ чудно
Гармоніи весны природа вся полна;
Казалось, все въ душѣ такъ спало непробудно;
Но увлекла меня весенняя волна...

И вотъ въ душѣ опять всѣ струны зазвучали;
Все плачетъ, все поетъ, и все смѣется вновь,
И слышится въ душѣ, средь смѣха и печали,
Къ чему-то... иль къ кому... неясная любовь...

1879.

* * *

Зеркальнаго пруда поверхности блестящей
Весенній вѣтерокъ крыломъ не шевелить,
И свѣтлой глубины, въ молчаньи тихо спящей,
Дыханіемъ своимъ не будить, не мутить.

На зеркалѣ воды застыло отраженье,
Какъ будто начерталъ искусною рукой
Небесъ и береговъ пруда изображенье
Художникъ и поэтъ на тверди водяной.

Въ душѣ моей свѣтло; но жизни дуновенье
Въ ней не тревожить чувствъ и мысли не живить,
И мертвенный покой давно, безъ измѣненья,
Безстрастный, ледяной въ груди моей царить.

Въ душѣ моей навѣсъ застыло отраженіе
Давно протекшихъ бѣдъ и радостей былыхъ,
И лишь минувшихъ дней живетъ изображеніе,
Въ могилу превратя мнѣ міръ существъ живыхъ.

1879.

Л У Н А.

Ночи богиня, въ одеждѣ своей сребротканной,
Тихо и плавно свользить по небеснымъ пространствамъ;
Тучки блестящія слѣдомъ, толпою туманной,
Быстро бѣгутъ, восхищенные пышнымъ убранствомъ.

Гордо, безстрастно блистая въ безбрежномъ эфирѣ,
Небо луна попираетъ безсмертной стопою
И, равнодушна къ земному, не мыслить о мірѣ,
Мірѣ презирая съ людской преходящей толпою.

Ночью весенней богиня землѣ посылаетъ
Дѣвственно-строгихъ лучей ледяное сіянье,
Шествуетъ мирно и въ гордомъ покоѣ не знаетъ,
Что въ ея свѣтѣ сильнѣе любви обаянье.

Ночью, въ присутствіи свѣтломъ богини безстрастной,
Ярче пылають любовь и влюбленные взоры;
Мірѣ весь объять упоеньемъ и нѣгою страстной,
И умолкають разсудка и сердца раздоры.

Вся замираетъ природа въ нѣмомъ обожаньи;
Глазѣ не отводятъ отъ неба лѣса-исполины;
Горы и доли не смѣютъ дохнуть въ созерцаньи;
Громче поетъ соловей, пробуждая долины.

Волны лобзають богини ночной отраженье,
Но непреклонно она по небеснымъ пространствамъ
Тихо въ эфирѣ свое продолжаетъ теченье,
Гордо блистая своей красотой и убранствомъ...

1879.

* * *

Дѣтьми они были и вмѣстѣ играли,
И ласки онъ ей расточалъ,
И съ ней забавлялся, не зная печали,
И локономъ пышнымъ игралъ.

Она не мѣшала ему забавляться
И лаской ему отвѣчала,
И тоже любила и пѣть, и смѣяться,
И съ нимъ беззаботно играла.

Дѣтьми они были, и взрослыми стали,
И шутки онъ ей расточалъ,
И съ ней забавлялся, не зная печали,
И сердцемъ ея онъ игралъ...

Она не мѣшала ему забавляться
И лаской ему отвѣчала,
И онъ продолжалъ беззаботно смѣяться
Межь тѣмъ, какъ она умирала...

Она умерла отъ глубокой печали,
И онъ ничего не узналъ;
И въ сердцѣ всѣ струны упорно молчали:
Онъ прошлымъ тщеславно игралъ...

1879.

* * *

Смотрится небо съ улыбкою ясной
Въ зеркалѣ чистомъ пруда;
Розовымъ свѣтомъ, зарею прекрасной
Вся озарилась вода.

Кружевомъ легкимъ деревъ прибережныхъ
Вѣтеръ слегка шевелить,
И надъ поверхностью водъ безмятежныхъ
Тихо листва шелестить.

Нѣжно склонилась вѣткою гибкой
Ива къ прозрачной волнѣ,—
Точно любитъ быстрою рыбкой
Въ свѣтлой пруда глубинѣ.

Вдоль береговъ у подножій древесныхъ
Густо разросся тростникъ...
Средь облаковъ серебрястыхъ, небесныхъ
Юнаго мѣсяца ливъ.

Тѣ облака, и луну, и растенья,
И тростники у пруда,
Точно, чтобъ ихъ сохранить отъ забвенья,—
Всѣ отразила вода.

1879.

* *
*

Буря жестокая вѣтви могучія
Съ вѣтвистыхъ деревъ обломилла,
Сосны высокія, ели волочія
Силой своей сокрушила;

Старыхъ деревьевъ стволы величавые
Въ страшную ночь развѣнчала;
Юныя рощи, роскошно вудравыя
На смерть она увачала.

Блѣдное утро съ улыбкой печальною
Трупы деревъ озарило.
Свѣтлой росой, слезою прощальною,
Жертвы жестокой почтило.

Черныя тучи одеждою мрачною
Небо въ знавъ скорби сокрыли;
Даль вся закуталась дымкой прозрачною;
Тѣни всю землю покрыли...

1879.

* * *

Обвей свое чело весенними цвѣтами,
Младую красоту улыбкой оживи,
Взгляни на Божій міръ усталыми очами—
И радости весны со мной благослови!

Взгляни, какъ все кругомъ съ восторгомъ оживаетъ:
Младая жизнь опять въ природѣ разлилась,
И все опять поетъ, цвѣтеть, благоухаетъ;
Година тяжелыхъ бѣдъ далеко унеслась...

Съ пришествіемъ весны природа позабыла
Холодные снѣга и вѣтеръ ледяной.
Зачѣмъ же въ свѣтлый часъ лишь на челѣ у милой
Слѣды прошедшихъ бурь не сгладились весной?..

1879.

НА ЧУЖБИНѢ.

Чайка бѣлогрудая, чайка островрылая
Надъ волной смущенною жалобно кричитьъ;
Пелена туманная, сѣрая, унылая
Надъ горами дальними тяжело виситъ.

Гложетъ сердце бѣдное грусть неутолимая;
Ни пути грядущаго, ни грядущихъ дней
Не видать за тучами. Сторона родимая
Далеко, и сердце плачется по ней...

1880.

ВЕСНОЙ И ЗИМОЙ.

Я твой взглядъ уловилъ... То случилось весной...
Я стоялъ подъ открытымъ окномъ,
И твой образъ впервые предсталъ предо мной,
Озаренный вечернимъ лучомъ.
Обвивали окно молодые цвѣты;
Ты сама среди нихъ, какъ цвѣтокъ,
Улыбалась веснѣ... Трепетали листы;
Локонъ твой колебалъ вѣтерокъ...

Ты мнѣ розу дала... Жарко лѣто цвѣло...
Мы сидѣли въ тѣни надъ рѣкой,
И шумѣлъ старый садъ... Молодое чело
Цѣловалъ солнца лучъ золотой...
Ты устами тихонько коснулась цвѣтка,
Поцѣлуемъ его обожгла
И, потушивъ свой взоръ и зардѣвшись слегка,
Мнѣ съ улыбкой цвѣтокъ отдала...

Мое сердце тебѣ я взаимно подарилъ...
Вѣтеръ выль; облетали цвѣты;
Но увядшій цвѣтокъ я на сердцѣ хранилъ
И лепѣялъ о счастья мечты...
А теперь въ томъ саду заматаютъ снѣга
Самый слѣдъ нашихъ легкихъ шаговъ,
И, хотя ты, какъ жизнь, мнѣ навѣкъ дорога,
Я одинъ у нѣмыхъ береговъ...

1882.

ПРИЗНАНІЕ.

На землю мертвую холодный снѣгъ ложится;
Блѣднѣютъ небеса; невесель зимній свѣтъ...
И на сердцѣ зима... Вамъ не за что сердиться:
Хоть нравитесь вы мнѣ, но въ сердцѣ жизни нѣтъ.
Печаленъ зимній день... Мнѣ веселѣе съ вами.
Останьтесь: у огня мы вечеръ проведемъ,
Поссоримся опять, разстанемся друзьями,—
И такъ пройдетъ зима, промчится день за днемъ.

Надъ нами небеса синѣй и чище стали;
Растаяли снѣга и жарче солнца лучъ;
Ручьи съ холмовъ и съ горъ со звономъ побѣжали,
И въ небѣ легокъ рой весеннихъ первыхъ тучъ.
Смотрите... не сюда—не на меня! надъ нами...
Не знаю, что со мной... забилось сердце вдругъ...
Уйдите отъ меня!—мнѣ какъ-то страшно съ вами...
Но это все пройдетъ; не бойтесь. милый другъ!

Всѣ въ зелени сады; вишневыми цвѣтами
Осыпаны они, вакъ чистымъ серебромъ,
И жавронокъ поетъ высоко надъ полями,
И таютъ облака въ пространствѣ голубомъ.
Скажите мнѣ, зачѣмъ душа въ тоскѣ унылой?
Средь пѣсенъ и цвѣтовъ одна лишь я грустна...
Мнѣ кажется, что я...—люблю тебя, мой милый...
Въ объятія твои влечетъ меня весна!

1883.

Н О Ч Ь Ю.

Ужъ надъ гумнами душистыми
Блещеть полная луна;
Рожь стогами золотистыми
За деревней сложена
И при мѣсячномъ сіяніи
Отливаетъ серебромъ;
Воздухъ свѣжъ; царитъ молчаніе
Надъ утихнувшимъ селомъ.
За рѣкою отдаленною
Подымается туманъ
И грядой осеребренною
Въ неба свѣтлый океанъ
Уплываетъ и уносится;

И съ луговъ изъ-за рѣки,
Въ тишинѣ ночной доносятся
Стада рѣдвіе звонки;
И дымится-разгорается
Пастуховъ ночныхъ костеръ;
Мглою прозрачной одѣвается
Окружающій просторъ...

Здѣсь въ саду, съ ночной прохладю
Воцарилась тишина.
За плетеною оградю,
Точно въ чудномъ царствѣ сна,
Липы старыя вѣтвистыя,
Тополей высокихъ рядъ
И березы серебристыя,
Очарованы, стоятъ.
Чуть дохнетъ листва шумящая...
Отыскавъ росу въ тѣни,
Въ ней зажгла луна блестящая
Искрометные огни;
Въ каждой каплѣ отражается
Яркій радугой она
И дрожить—переливается,
Блескомъ трепетнымъ полна.
Въ глубинѣ аллеи дремлющей
Тѣни черныя лежатъ,
И въ тиши, его объемлющей,
Почиваетъ темный садъ...

Тишина невозмутимая,
И повсюду—красота...
Вотъ она, скамья любимая,
Луннымъ свѣтомъ облита.
Мы одни; мы вмѣстѣ, милая,
И никто не видитъ насъ.
Сядемъ здѣсь... Тоска унылая
Непонятно въ чудный часъ
Гложетъ грудь мою мятежную...
О, не думай... Я люблю...
На плечо голову нѣжную
Ты ко мнѣ сяди свою
И услышь мои признанія:
Оттого тоскуетъ грудь,
Что отъ нѣги созерцанія
Я не въ силахъ отдохнуть.
Что восторгомъ раздражающимъ
Красота волнуетъ кровь,
И въ сравненіи съ окружающимъ
Такъ мелка моя любовь....

1883.

МОЙ ОГОРОДЪ.

Когда проснется день и въ зелени тѣнистой
Весеннихъ птичекъ рой щебечеть и поеть,
И дышетъ старый садъ прохладною душистой,—
Я навѣстить иду мой милый огородъ,
И лугомъ прохожу, нетронутымъ косяю,
И въ этотъ ранній часъ обрызганнымъ росюю.

Я вижу издали, какъ пестрый макъ алѣетъ—
Махровые цвѣты на солнышкѣ горять;
За ними пышный хмѣль роскошно зеленѣетъ,
И висти подъ плетнемъ гирляндами висятъ.
А дальше—лѣсъ густой бѣжитъ на дно долины,
И тонуть въ небесахъ зеленыя вершины.

Вхожу. Кивая мнѣ листвою своею узорной,
 Кудрявая морковь ростеть передо мной;
 По жердочкамъ наверхъ взобравшійся проворно
 Вздывается горохъ зеленою стѣной,
 И точно мотыльки съ молочными крылами
 Сидятъ его цвѣты межъ сочными листьями.

Подъ тяжестью стручковъ фасоль склонилась низко;
 Здѣсь клонить толстый лукъ надутые стебли;
 Тамъ съ рѣдькой разрослась сестра ея, рѣдиска,
 И лѣзетъ на проломъ изъ треснувшей земли,
 Головки изъ нея на солнце выставляетъ
 И съ жадностью росу прохладную впиваетъ.

Капустные вочны круглятся надъ грядами;
 Ихъ сизые листы обрызганы росой.
 Близъ нихъ ростеть шпинатъ зелеными рядами,
 И тянется салатъ вудрявой полосой.
 А дальше, на краю, сидитъ уропъ душистый,
 Колебясь по вѣтру листвою своею пушистой.

Простершись по землѣ зелеными стѣтами,
 Спелелися огурцы гирляндюю густой;
 На вѣрпвихъ стебелькахъ висятъ они вистями.
 Ихъ желтые цвѣты не блещутъ красотою;
 Но, позабывъ цвѣтникъ съ душистой резедою,
 Кружатся мотылекъ надъ скромной ихъ грядою.

Межь градъ я прохожу съ корзинкою плетеной,
Безъ споровъ, безъ войны, легко собираю дань;
Привѣтливъ и богатъ мой огородъ зеленый:
Обиліе и миръ вездѣ, куда ни глянь.
Благоуханье липъ доносится изъ сада,
И вокругъ меня царить росистая прохлада.

1883.

ЖЕМЧУГЪ И ЛЮБОВЬ.

Въ глубинѣ морской, въ блестящей колыбели,
Драгоценная жемчужина дремала,
И надъ нею волны моря лишь синѣли,
И о небѣ ничего она не знала...

Но спустился къ ней, въ пучину океана
Молодой пловецъ съ безстрашною душою;
Онъ нашель ее средь воднаго тумана,
У морей похитилъ дерзостной рукою.

И, покынувъ колыбель изъ перламутра,
Божій свѣтъ она впервые увидала,
И потомъ въ одно торжественное утро
Въ золотой коронѣ ярко заблистала.

Въ молодой груди, средь дѣвственныхъ желаній,
Притаясь, любовь чистѣйшая дремала
И тонула въ морѣ чистыхъ упованій,
И о счастья ничего она не знала...

Но пронивъ однажды въ сердце молодое
Двухъ очей влюбленныхъ взоръ неотразимый,
Онъ нашелъ любви сокровище златое,
Гдѣ оно хранилось тайно и незримо.

Изъ младаго сердца вырвавшись на волю,
Божій свѣтъ любовь впервые увидала,
Лучезарнымъ счастьемъ радостную долю,
Молодую жизнь, роскошно увѣнчала...

1883

ЗИМНЯЯ СЕРЕНАДА.

Вѣтеръ осени унылой
Пѣлъ тебѣ вчера,
Усыпиль тебя, другъ милый,
Крѣпче—до утра.

А сегодня,—что за счастье!
Посмотри сама:
Нѣтъ осенняго ненастья;
На дворѣ зима.

Столь же юный, столь же чистый.
Какъ твое чело,
Снѣгъ сверкаетъ серебристый;
Все кругомъ бѣло.

За ночь землю свѣтъ окуталъ
Бархатнымъ ковромъ,
Свѣтъ чудной садъ опуталъ
Подъ твоимъ окномъ.

Встань, проснися! Солнце свѣтитъ
Севозь стекла узоръ.
Свѣтъ и блескъ повсюду встрѣтитъ
Голубой твой взоръ.

Пробудись, цвѣтокъ мой нѣжный,
Улыбнись скорѣй!
Средь зимы холодной, снѣжной
Сердце мнѣ согрѣй!..

1884.

Т Р О Й К А.

Ночью морозною, ночью холодною,
Другъ мой, умчимся дорогой свободно
Мѣсяцъ намъ свѣтитъ съ небесъ...

Снѣгомъ глубокимъ, сыпучимъ, сверкающимъ,
Путь весь широкій для насъ устилающимъ,
Густо усыпанъ весь лѣсъ;

Инеемъ—льдомъ, бахромою звенящею,
Сѣтью алмазною, сѣтью блестящею
Каждая вѣтвь горить.

Тройка помчится, какъ вихрь неудержная;
Встанетъ, какъ облако, пыль бѣлоснѣжная;
Снѣгъ на пути заскрипитъ!..

Въ шубку тебя я одѣну пушистую;
Нѣжно окутаю въ ткань серебристую
Росвошь вудрей золотыхъ;

Въ саняхъ заврою я полость бобровую,
И позабудешь ты зиму суровую
Въ жаркихъ объятыхъ моихъ!

1884.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЛЕГЕНДА.

I.

Когда-то, на лонѣ священной земли,
Зеленыя ели привольно росли;
У водъ Иордана, на склонахъ скалистомъ,
Раскинулись пышно въ ущелья тѣнистомъ,
И гордо, надменно на небо смотрѣли,
И звучно шептали высокія ели:

„Мы выросли выше деревьевъ другихъ,
„Мы солнышко видимъ всѣхъ прежде изъ нихъ;
„Зимою и лѣтомъ равно зеленѣемъ
„И мертвые листья на землю не сѣемъ.
„Мы сильны и вѣрны, намъ вихрь нипочемъ—
„Предъ бурей вершины зеленой не гнемъ!“

Ихъ острыя иглы таеъ грозно чернѣли,
 Что птички на вѣтви садиться не смѣли,
 И вѣтеръ заигрывать съ ними не смѣлъ,
 Но мимо на крыльяхъ воздушныхъ летѣлъ...
 Въ молчаньи суровомъ, въ гордынѣ надменной,
 Онѣ надъ рѣкой возвышались священной.

Однажды — чуть въ небѣ заря занялась,
 Завѣса тумана съ рѣки поднялась —
 Подъ сѣнью лѣсной голоса зазвучали,
 По гордымъ стволамъ топоры застучали,
 И люди, что шумной толпою пришли,
 Стволъ ели могучей съ собой унесли...

И дрогнули ели, одна за другой,
 И ропотъ пронесся по части лѣсной...
 Онѣ дальше и дальше, онѣ выше несется,
 И вотъ на вершинѣ горы раздается:
 „Царицу лѣсовъ отъ родимыхъ корней
 „Зачѣмъ оторвали? Что станетъ съ ней?..“

И смотреть деревья, и видать съ горы:
 Убранства вѣтвей, узловатой коры
 Холоднымъ желѣзомъ жестою лишенный,
 Стволъ ели погибшей лежалъ обнаженный,
 И люди, собравшись толпою окрестъ.
 Слагали огромный изъ дерева крестъ.

Онъ конченъ и въ городъ его унесли,
 Съ таинственной ношей исчезли вдали.
 Что сталося потомъ—разсмотрѣть не успѣли
 Съ высокой горы наблюдавшія ели;
 Но въ часъ, когда солнце стоитъ въ вышинѣ,
 Тотъ крестъ увидали внезапно онѣ.

Близъ стѣнъ городскихъ, средь чернѣющихъ скалъ,
 На мѣстѣ высовомъ онъ грозно стоялъ;
 Еще два креста по бокамъ возвышались.
 Народныя волны кругомъ волновались;
 Тѣснился народъ, и вричалъ, и ревѣлъ,
 Какъ бурное море кипѣлъ и шумѣлъ.

А тамъ, на зловѣщихъ крестахъ роковыхъ,
 При яркомъ сіяньи лучей огневыхъ,
 Темнѣли тѣла во крестамъ пригвожденныхъ.
 Средь мрачныхъ убійць, за грѣхи осужденныхъ—
 То міра Спаситель безвинно страдалъ
 И смертю позорной за міръ умиралъ!

И вдругъ... вся земля содрогнулась, стена...
 Померкло сіянье веселаго дня;
 Златое блистанье дневнаго свѣтила
 Угрюмая ночь безпощадно смѣнила.
 И ужасъ глубокой весь міръ охватилъ:
 То міръ Искупившій Свой Духъ испустилъ...

Когда-жь надъ землю разсѣялась тьма,
Казалось — надъ лѣсомъ промчалась зима:
Царицы лѣсовъ — горделивыя ели,
Отъ ужаса вмигъ, какъ зимой, посѣдѣли
И съ трескомъ и стономъ простерлись во прахъ —
И мертвый покой воцарился въ горахъ.

II.

Промчались вѣба... Возродившись на свѣтъ,
Размножились ели, но счастья имъ нѣтъ:
Путь скорбный къ могилѣ онѣ усыпають,
Вѣтвями своими его устилають,
И точать смолистыя слезы онѣ,
И тяжело вздыхають въ лѣсной тишинѣ...

Простилъ ихъ Господь и проелятье съ нихъ снялъ,
И Ангела съ неба къ печальнымъ послалъ;
Имъ Ангелъ Господень принесъ повелѣнье
Быть символомъ свѣтлымъ Христова Рожденья,
Тотъ праздникъ великій собой украшать
И дѣтямъ на радость огнями сіять.

Съ тѣхъ поръ, въ исполненъе Господняго Слова,
Какъ только наступитъ Рожденье Христово,

Зеленыя ели приносятся въ домъ
На радость малютокъ, любимыхъ Христомъ,
И въ пышномъ убранствѣ, сіяя огнями,
Рождественскій день онѣ празднуютъ съ нами.

И въ немъ милосердны съ тѣхъ поръ Небеса:
Вкругъ нихъ раздаются дѣтей голоса,
И радостный смѣхъ и младенческій лепетъ...
И ели, въ священный повержены трепетъ,
Ливуютъ на праздникъ свѣта и мира,
И славятъ Рожденье Спасителя міра...

1884.

СОЛОВЕЙ.

Вечерами, цвѣтущей весною,
Соловей прилетаетъ въ намъ въ садъ,
Гдѣ, сливаясь съ прохладой ночною,
Отъ сирени стоитъ аромать.

Въ теплый вечеръ, душистый и ясный,
Въ садъ тихонько окно отвори,—
Ты услышишь, какъ онъ, сладкогласный,
Пропоетъ отъ зари до зари,

И увидишь, какъ на небѣ чистомъ
Новый мѣсяцъ, сіяя, горитъ,
И какъ яблонь въ уборѣ душистомъ,
Убѣленная цвѣтомъ, стоитъ.

Въ твою комнату мѣсяцъ заглянетъ;
Поглядитъ молодая весна.
Хорошо и легко тебѣ станетъ
И, пожалуй, совсѣмъ не до сна.

А заснешь, — соловьиное пѣнье
Убаюкаетъ пѣсней безъ словъ,
И навѣтъ тебѣ усыпленье
Свѣжій запахъ весеннихъ цвѣтовъ.

1887.

ВЪ ЛѢСУ.

Тихо и чудно въ лѣсу вѣковомъ...
Сосны съ прямымъ, красноватымъ стволомъ
Высятся, точно колонны, рядами,
И въ вышинѣ, межъ густыми вѣтвями,
Синее небо лазурью севозить:
Лучъ шаловливый украдкой скользятъ;
Свѣтъ на стволахъ и на вѣтвяхъ играетъ,
И у подножья деревъ освѣщаетъ
Легкій, прозрачный, зеленый узоръ,
Сотканный травкою листовой кружевною;
Почвы лѣсной изумрудный коверъ
Пахнетъ землей и душистой смолою.
Вѣетъ прохладой... Въ лѣсу тишина.
Въ царство лѣсного, волшебнаго сна

Лишь иногда донесется съ опушки
Голосъ печальный далекой вужушки;
Дятель проворно о стволъ застучить;
Вѣтеръ вѣтвями деревъ зашуршитъ...

1887.

* * *

Ужь іюнь... Пестро и ярво
Роза пышная алѣетъ;
Солнце землю грѣетъ жарко;
Сочныхъ ягодъ пурпуръ зрѣетъ;

Цвѣтники и садъ душистый
Блещутъ пламенной гвоздикой,
И пестрѣетъ лугъ цвѣтистый
Ярво красной земляникой.

По зарямъ все небо рдѣетъ
Многоцвѣтными огнями;
Клеверъ розовый алѣетъ
На межахъ между полями,

И на солнцѣ, гдѣ трепещуть
Крупныхъ листьевъ изумруды,
Межъ вѣтвями крылья блещуть
Иволги золотогрудой...

1887.

ЕЛКА И ПТИЧКА.

Въ блестящемъ уборѣ, въ огняхъ и цвѣтахъ,
Зеленая елка стояла,
Свѣтло отражаясь въ большихъ зеркалахъ
Богатаго пышнаго зала,
И вяла печально и тихо она,
По лѣсу родному тоскою полна.

Нарядные люди ходили вкругомъ,
Веселыя дѣти играли...
И думала елка о лѣсѣ своемъ,
Гдѣ птички весной щебетали:
Не слышать ей больше, какъ птички поютъ,
Не видѣть, какъ гнѣздышко весело вьютъ...

Вдругъ въ вѣткѣ прозрачной, подъ сводомъ окна
 Знакомую птичку узнала,
 И дрогнула всѣми вѣтвями она:
 „Скажи, какъ сюда ты попала,
 „Въ такую-жъ тоску и неволю, какъ я,
 „О, птичка лѣсная, малютка моя?“

И жалобно птичка щебечетъ въ отвѣтъ:
 „Поймали меня еще лѣтомъ.
 „Съ тѣхъ поръ здѣсь томлюсь, и свободы мнѣ нѣтъ;
 „Простилась я съ солнечнымъ свѣтомъ.
 „И душно, и тѣсно мнѣ въ вѣткѣ сидѣть,
 „И пѣсень свободныхъ не хочется пѣть“.

— „А я лишь недавно повинула лѣсъ,
 „И вотъ безъ корней умираю.
 „Безъ тучекъ, безъ вѣтра, безъ вольныхъ небесъ
 „Я вяну, я сохну, страдаю.
 „Меня оторвали отъ милой земли,
 „Насильно изъ лѣса сюда привезли.

„ Я рада, малютка, что ты здѣсь со мной:
 „А то я одна тосковала...
 „О, спой мнѣ ту пѣсню, что ранней весной
 „Въ душистомъ лѣсу ты пѣвала:
 „Ты пѣла ее на зарѣ, поутру;
 „Подъ звуки той пѣсни я легче умру“...

Все смолгло. На елкѣ погасли огни;
Во мразѣ роскошная зала,
И елка неясно чернѣла въ тѣни,
Лѣсной ароматъ разливала.
Тутъ птичка-малютка въ ночной тишинѣ
Запѣла о свѣтлой, цвѣтущей веснѣ.

И слушала елка, какъ птичка поетъ...
Ей грезились радости мая;
Казалось,—черемуха снова цвѣтеть...
И вала она, умирая.
На утро ее неживую нашли,
Въ куски изрубили и въ печкѣ сожгли...

1888.

ЦАРИЦА-ЗИМА.

Свѣтла и прекрасна
Царица-Зима молодая;
Могучей подвластна
Вся область полнощнаго врая.

Парчей серебристой
Красавицу снѣгъ одѣваетъ,
А иней пушистый
Узорной фатой наряжаетъ.

Прозрачны, какъ льдины,
Блестятъ ея синія очи;
Средь снѣжной равнины
Царить она въ долгія ночи.

Въ красѣ лучезарной
 Со свѣтлой улыбкой внимаетъ,
 Какъ вѣтеръ полярный
 Ей сладкую пѣснь напѣваетъ:

„Алымъ сѣвернымъ сіаньемъ,
 „Какъ огнемъ, озарена,
 „Истомившись ожиданьемъ,
 „Дремлетъ чудная страна.

„Плещетъ синими волнами
 „Ледовитый океанъ;
 „Надъ хрустальными горами
 „Спитъ серебряный туманъ.

„На сіяющихъ равнинахъ
 „Нѣтъ докучливыхъ людей;
 „Только плаваютъ на льдинахъ
 „Стаи бѣлыхъ медвѣдей.

„По серебряной дорогѣ
 „Ярко блещущихъ снѣговъ,
 „Воротись въ свои чертоги
 „Изъ прозрачныхъ вѣчныхъ льдовъ!“

Вотъ стали короче,
 Веселому дню уступая,

Холодныя ночи
Зимой полоненнаго края.

Повѣяло съ Юга
Тепломъ и душистой весною;
Заплакала вьюга,
Прощаясь съ любимой странюю.

И страхомъ объятый
Морозъ обезсилѣлъ и таетъ,
А вѣтеръ крылатый
Весеннюю пѣснь напѣваетъ:

„О, спасайся скорѣй!
„Изъ-за теплыхъ морей
„Быстровкрылыя ласточки мчатся,
„И щебечуть онѣ
„О цвѣтущей веснѣ,
„Вмѣстѣ съ нею на Сѣверъ стремятся!

„Слышишь звонъ вешнихъ водъ,
„Журавлиный полетъ?
„О царица! земля оживаетъ...
„Ужь близка и ясна
„Молодая весна!
„Вотъ идетъ и цвѣты разсыпаетъ!“

Свой путь триумфальный
Свершает весна молодая;
Въ чертогъ свой хрустальный
Уходитъ зима, уступая...

Но вешними днями
На память о ней, побѣжденной,
Осыпанъ цвѣтами,
Какъ снѣгомъ, весь садъ убѣленный,

И зимнія грезы
Снѣжинками въ небѣ кружатся,
На майскія розы
Росой искрометной ложатся...

1889.

ВЕСЕННІЙ ПРИВѢТЪ.

Еще поля обнажены;
Но вѣтъ теплое дыханье
Все оживляющей весны;
И птицъ прилетныхъ щебетанье,
И вешнихъ водъ веселый звонъ
Звонить въ поляхъ со всѣхъ сторонъ.

Деревья, травы, въ чуткомъ снѣ,
Готовы каждый мигъ проснуться;
Навстрѣчу радостной веснѣ
Готовы почки развернуться.
Потоки рѣзвые журчатъ,
Ростки и сѣмечки поятъ.

Весна идетъ, весна близка!
Все замираетъ въ ожиданьи...

Она несеть издалева
Тепло и свѣтлое сіянье,
Живую жизнь, веселый свѣтъ,
Землѣ отъ солнышка привѣтъ.

Смолистыхъ листьевъ кружева,
Фіалокъ первыхъ пробужденье,
Небесъ веселыхъ синева
И соловьевъ залетныхъ пѣнье—
Васъ всѣхъ опять дождуся я...
Привѣтъ тебѣ, весна моя!

1889.

РУЧЕЙ.

Ручей быстротечный бѣжалъ по камнямъ,
Свервая струей серебристой,
И звонко ропталъ и шепталъ берегамъ:
„Какъ свучно въ долинѣ тѣнистой!...“

Въ водахъ его свѣтлыхъ, гдѣ плѣла волна,
Лазурь съ вышины отражалась;
И тучекъ, и свѣта, и птичекъ полна,
Ручью она раемъ казалась.

Ручей волновался и слиться хотѣлъ
Съ лазурнымъ небесъ океаномъ...
И вотъ испарился и вверхъ полетѣлъ
Волнистымъ прозрачнымъ туманомъ...

На небѣ румянецъ заката поблѣвъ,
И звѣзды зажглись золотыя.
Средь тучекъ небесныхъ туманъ одинокъ:
Гдѣ волны небесъ голубыя?

Въ тоскѣ по лазури онъ долго виталь
Межъ свѣтлой луной и звѣздами,
И грустно на землю, соскучившись, палъ—
Туманъ разошелся слезами.

Тѣ слезы блестящей, прозрачной росой
На розахъ душистыхъ остались.
А въ небѣ, сіяя холодной красой,
И мѣсяць, и звѣзды смѣялись...

1889.

* *
*

Мѣсяць двурогій изъ тучки глядитъ,
Ярко на небѣ сіяя;
Все на землѣ отдыхаетъ и спитъ;
Льется прохлада ночная;

Лугъ обнимаетъ прозрачная мгла;
Вѣтеръ уснувшій чуть дышетъ;
Бабочка на ночь сложила крыла,
Тихо былинку колышетъ;

Сномъ ароматнымъ забылись цвѣты,
Грезятъ весенними снами...
Время, дитя, засыпай же и ты;
Спи, моя радость, съ цвѣтами!..

1889.

КАКЪ ЗИМА ЗА МОРЕМЪ БЫЛА.

Какъ съ того-ли да съ великаго ума
Разъ придумала красавица-зима:

„Чтой-то я, зима, по сѣверу хожу,
„По холодному разгуливаю?
„Дай-ка я, зима, маленько погляжу
„На житье-бытье заморское!“

Собралася въ путь красавица-зима,
Снарядилася, какъ надо быть, сама,
Да собратъся не бездѣлица:
Съ ней отправился и старый дѣдъ-морозъ,
Красна-дѣвица мятелица,
Снѣгъ сыпучій вмѣстѣ съ инеемъ.

Впередъ мчатся, разстилаются,
 Мелкимъ бѣсомъ разсыпаются
 Вѣтры-буйны разудалые,
 Шалуны-бойцы немалые;
 А въ догонку тучки снѣжныя
 По поднёбесью торопятся.

Ничего про то веснѣ не говоря,
 Забралась зима за теплыя моря;
 Въ той землѣ, гдѣ круглый годъ гостить весна,
 Со всей челядью устроилась,
 И пошла гулять по волюшеѣ она,
 И съ морозомъ, и съ мятелицей.

Глядь-поглядь зима—не рады ей совсѣмъ:
 Не утѣшать, не поподчуютъ ничѣмъ.
 Намела мятель на славу санный путь—
 Люди въ санкахъ не катаются;
 А едва морозъ попробоваль дохнуть—
 По домамъ всѣ разбѣгаются.

Снѣгъ да иней—словно серебро горить,
 Ледъ—что зеркало,—никто и не глядитъ;
 Знай кричатъ себѣ: „Напастъ на насъ пришла,
 „Стужа злая, да не милая...
 „И зачѣмъ ты насъ снѣгами замела?—
 „Пропадай, зима постылая!“

Осерчалъ Морозъ: „Эхъ, матушка зима!
 „Да никакъ ты вовсе спятила съ ума?
 „Для чего сюда пожаловала
 „И меня взяла съ собою, старика?
 „Али родина не баловала,
 „Али Русь тѣсна, не вдосталь широка?

„По твоей-ли глупой, матушка, винѣ,
 „Непорядки въ православной сторонѣ:
 „Не дождутся люди саннаго пути,
 „И никто не поватается;
 „Нѣтъ, какъ хочешь, намъ домой пора идти:
 „Старый Годъ, поди, кончается!“

И не стала спорить матушка-зима,
 По родной землѣ соскучилась сама:
 Ъдетъ-мчится со всей челядью домой,
 И Морозъ за ней ударился.
 „Эй, кричить, возьми-ка Новый Годъ съ собой,
 „Нашъ теперь, поди, состарѣлся!“

И сейчасъ вдали мятелица мятеть;—
 Новый Годъ зима изъ-за моря несетъ,
 Съ ней морозъ со снѣгомъ-инеемъ спѣшить,
 Усыпаетъ землю серебромъ;
 Буйный вихрь гонцомъ впередъ зимы летить,
 А вдогонку тучки снѣжныя...

1889.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ПОЭТОВЪ

ГИМНЪ ФРАНЦИСКА АССИЗСКАГО.

Господь, Творецъ благой, Всевышній, Всемогущій!
Тебѣ хвала и честь и слава вся присущи:
Съ Тобой, Господь, благословенья всѣ!

Тебя единого намъ должно прославлять;
Но нѣтъ достойнаго хвалу Тебѣ воздать.

Хвала Тебѣ, Господь, во всемъ Твоемъ созданьи!
О, Господи! Великъ Ты въ солнцѣ золотомъ,
Что озаряетъ день привѣтливымъ лучомъ;
Оно, прекрасное, въ торжественномъ сіяньи
Тебя являетъ намъ во образѣ своемъ.

Хвала Тебѣ, Господь, въ лунѣ и въ звѣздахъ ясныхъ:
Ты въ небѣ создалъ ихъ, и свѣтлыхъ, и прекрасныхъ.

Хвала Тебѣ, Господь, и въ свѣжемъ дуновеньи.
Въ туманные часы и въ ясныя мгновенья,
Которыми даришь Ты всѣ свои творенья.

Хвала Тебѣ, Господь, въ стихіи водъ смиренной,
Столь чистой, дѣвственной, полезной, драгоценной!

Хвала Тебѣ, Господь, въ огнѣ, что посылаешь:
Въ могучей красотѣ его Ты возжигаешь,
И пламенемъ его мракъ ночи озаряешь.

Хвала Тебѣ, Господь, и въ матери-земли,
Чьи соки намъ и жизнь, и силу принесли
И яркіе цвѣты, плоды произвели!

Хвала Тебѣ, Господь, за тѣхъ, кто все прощаетъ
И изъ любви къ Тебѣ другихъ не оставляетъ!

Блаженны вѣчно тѣ, кто въ мирѣ пребываетъ...
Всевышній, Твой вѣнецъ ихъ славой увѣнчаетъ!..

ЧТО ВОЛКЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНО СКАЗАЛЪ КРАСНОЙ
ШАПОЧКѢ.

(Изъ Бретъ-Гарта).

Что твои глаза, чему удивляются?
Что такъ смутило, малютка, тебя?
То, что глаза у меня разгораются?—
Это чтобъ лучше все видѣть, дитя!
Чтобъ разсмотрѣть твои очи лазурныя,
Щечки румяныя, губки пурпурныя...

Странно тебѣ, что объятія жгучія
Жарко волнуютъ невинную грудь?
Нѣтъ, не отталкивай руки могучія:
Къ нимъ ты покрѣпче старайся прильнуть,
И не пугайся, красавица нѣжная:
Грубья руки защита надежная.

Красная Шапочка! Ты удивляешься,
Что твою ручку при встрѣчѣ я жму;
Если-жь ты съ лаской ко мнѣ обращаешься,
Я отвернусь и, вздыхая, молчу...
Дѣло все въ томъ—признаюсь, не тая,
Что вѣдь нисколько не бабушка я!

1833.

СИЯНІЕ ЗВѢЗДЪ.

(Изъ Лонифелло).

Спустилась ночь неторопливо;
Заходитъ мѣсяцъ молодой,
Скользитъ по небу молчаливо,
Скрывая ликъ свой золотой.

Лишь звѣзды льютъ свой свѣтъ лазурный
На землю въ дальнихъ небесахъ,
И въ первой смѣнѣ Марсъ пурпурный
Поставленъ ночью на часахъ.

Звѣзда-ли то любви сіяетъ,
Звѣзда любви и чудныхъ сновъ?

О, нѣтъ! Героя то блистаетъ
Доспѣхъ изъ голубыхъ шатровъ.

И мысли бодрья вставали
Въ душѣ, когда я созерцалъ,
Какъ въ небесахъ, въ лазурной дали,
Звѣзды той красной щитъ мерцалъ.

О, твердости звѣзда! Я знаю,
Тебѣ смѣшна печаль моя;
Но снова бодростью пылаю:
Мнѣ знакъ дала рука твоя.

Лишь звѣзды льютъ свой свѣтъ лазурный
Въ груди моей, какъ въ небесахъ,
И въ первой смѣнѣ Марсъ пурпурный
Я ночью ставлю на часахъ.

Звѣзда непобѣдимой воли
Въ моей груди встаетъ, горитъ
И, въ ожиданьи тяжелой доли,
Ясна, рѣшительна, блеститъ.

А ты, чтобъ ни былъ, что читаешь,
О, другъ, стихи мои теперь,—

Когда надежды потеряешь,—
Не падай духомъ, мнѣ повѣрь:

Лишь не страшись—и въ мірѣ этомъ
Познаешь скоро ты тогда
Величье передъ цѣлымъ свѣтомъ:
Страдать и твердымъ быть всегда!

1885.

ПОЭЗІЯ.

(Изъ Г. А. Бекѣра).

Не говорите намъ, что время смолкнуть лирѣ,
Что ей ужъ пищи нѣтъ, прошелъ ея чередъ:
Поэтовъ, можетъ быть, не будетъ больше въ мірѣ;
Поэзія сама—во вѣки не умретъ!

Пока горитъ волна подъ солнечнымъ лобзаньемъ,
Воспламенясь отъ ласкъ сіяющаго дня,
И тучи красить день роскошнымъ одѣяньемъ
Изъ золотыхъ лучей, и блеска, и огня;

Покуда вѣтерокъ въ пространство увлекаетъ
Дыханіе цвѣтовъ и звуковъ хороводъ,

И свѣтлая весна прекрасно раздвѣтаетъ, —
Поэзія для насъ на свѣтѣ не умретъ!

Пока великихъ тайнъ, законовъ мірозданья
Постигнуть до конца наукѣ не дано,
И въ небѣ, и въ моряхъ есть бездна безъ названья,
Куда проникнуть намъ умомъ не суждено;

Пока, стремясь впередъ отъ вѣка и до вѣка,
Не знаетъ родъ людской, куда, зачѣмъ идетъ,
И въ мірѣ тайна есть для мысли человѣка, —
Поэзія для насъ на свѣтѣ не умретъ!

Покуда слышимъ мы, что сердце въ насъ ликуетъ,
Но въ этотъ мигъ уста смѣяться не хотятъ;
Пока душа болитъ, и плачетъ и тоскуетъ,
Но ни одна слеза не застигаетъ взглядъ;

Пока разсудокъ въ насъ не заглушилъ мечтанья,
И сердце воевать съ умомъ не устаетъ;
Пока надежды есть и есть воспоминанья, —
Поэзія для насъ на свѣтѣ не умретъ!

Пока блестятъ глаза и нѣжно отражаютъ
Другихъ любимыхъ глазъ призывный блескъ и свѣтъ,

И страстно дышетъ грудь и глубоко вздыхаетъ,
И изъ груди другой летитъ ей вздохъ въ отвѣтъ;

Покуда двѣ души сливаются родныя,
Когда ихъ поцѣлуй сближаетъ и зоветъ,
И на землѣ цвѣтутъ красавицы младыя, —
Поэзія сама на свѣтѣ не умретъ!

1883.

ЛЮБОВЬ.

(Изъ Г. А. Бекёра).

Воздушный океанъ частицами' своими
Трепещеть веругъ меня, воспламенясь, горить;
Дробятся небеса лучами золотыми,
Колелебтся земля и радостно дрожить.
Я слышу—на волнахъ гармоніи небесной
Несется шелестъ крыль и подѣлуевъ звувъ...
Я свѣтомъ ослѣпленъ... О, что за свѣтъ чудесный?
— Любовь, любовь прошла! гремить отвѣтъ вооругъ...

1883.

СЕРЕНАДА.

(Изъ Г. А. Бекера).

Когда на балконѣ твоёмъ, колыхаясь,
Дрогнуть цвѣты,
И мнится тебѣ, что ихъ тронулъ, ласкаясь,
Вѣтеръ-шалунъ—
То знай—это я, за цвѣтами скрываясь,
Тихо вздохнулъ.

Когда надъ тобой прозвучить, замирая,
Смутный призывъ,
И мнится тебѣ, что зовутъ, повторяя
Имя твое,—
То знай, что, объята въ тебѣ простирая,
Я тебя звалъ.

Когда встрепенется порою ночью
Сердце твое,
Коснется дыханіе жаркой волною
Губою твоихъ,
То знай, — я дышу, хоть незримый тобою,
Тутъ, близъ тебя.

1883.

О Ф Е Л І Я.

(Изъ Г. А. Бекѣра).

Какъ нѣжный вѣтерокъ, что тихо пробѣгаетъ
Надъ полемъ битвы, кровью обограннымъ,
И нѣжный ароматъ повсюду разликаетъ
И въ тишинѣ ночной гармонію приноситъ,—

Таеъ, символъ нѣжности и кроткаго страданья,
Въ ужасной драмѣ англійскаго барда,
Разсудокъ потерявъ, Офелія младая,
Цвѣты роняя, съ пѣніемъ проходить...

1884.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ДЛѢ ДѢТЕЙ

ХЛѢБЪ НАШЪ НАСУЩНЫЙ.

Дитя мое! Сявозь сонъ твердишь
За мной молитву ты послушно
И, засыпая, говоришь:
„Господь, даждь днесь намъ хлѣбъ насущный!“

Но помолись еще безъ словъ
И за того, кто хлѣбъ посѣялъ
И, не щадя своихъ трудовъ,
На нивѣ тягостно взмелѣялъ!

Подъ вольнымъ небомъ голубымъ
Возросъ и вызрѣлъ хлѣбъ насущный,
Пригрѣтый солнцемъ золотымъ,
Обвѣянь ласкою воздушной;

Весенній дождь его вспоилъ,
 А мать-земля его вскормила,
 Господь съ небесъ благословилъ,
 Роса небесная кропила.

Надъ нивой жаворонокъ пѣлъ,
 И паръ влублился ароматный,
 Когда на солнцѣ волосъ зрѣлъ
 И наливался, благодатный.

Когда же неба глубины
 Звѣздами яркими горѣли,
 На ниву съ горней вышины
 Привѣтно звѣздочки смотрѣли;

А отъ земли то тамъ, то здѣсь
 Молитва къ небу возносилась:
 „Хлѣбъ намъ насущный даждь намъ днесь!“
 И фиміамомъ ночь курилась...

Земля и пахарь-человѣкъ
 Въ молитвѣ той единодушной
 Слились, дитя мое, навѣкъ—
 Молись и ты про хлѣбъ насущный!

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ.

Бѣгутъ ручьи, журчить вода,
Снѣга въ оврагахъ таютъ;
Зимы холодной—ни слѣда,
И птички прилетаютъ.
Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!
Ликуетъ жавроновъ съ небесъ.

Съ полей давно сошли снѣга,
Спятъ первые цвѣточки;
Покрылись зеленью луга,
Въ лѣсу надулись почки.
Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!
Шумить-гудить воскресшій лѣсъ.

На чистомъ небѣ нѣтъ ужъ тучъ,
Весенній вѣтеръ вѣетъ;
И весель солнца яркій лучъ,
Привѣтно землю грѣетъ.
Христось воскресъ! Христось воскресъ!
Смѣется солнышко съ небесъ.

Со всѣхъ церквей несется звонъ
Колоколовъ веселыхъ,
И людямъ всѣмъ вѣщаетъ онъ
И въ городахъ, и въ селахъ:
Христось воскресъ! Христось воскресъ!
И звонъ несется до небесъ.

Въ семьяхъ другъ друга всѣ дарятъ
Яичкомъ ярко-краснымъ,
И всѣ, ликуя, говорятъ,
Встрѣчаясь утромъ яснымъ:
Христось воскресъ! Христось воскресъ!
Пришла намъ вѣсточка съ небесъ!

Л А С Т О Ч К А .

Когда весна къ намъ соберется,
Спѣшить намъ ласточка принести
Объ этомъ радостную вѣсть,
И знаютъ всѣ: она вернется—
Такъ, значитъ, близко и весна.
Пахнетъ зимой—въ чужія страны,
Въ пустыни Африки песчаной,
Опять уносится она.

Но съ каждой новою весной
Ее влечетъ сюда привычка,
И мчится ласковая птичка
Въ свое гнѣздо, подъ кровъ родной.
Гостить у насъ весну и лѣто,
Пока цвѣты въ поляхъ цвѣтутъ,
И птички весело поютъ,
И солнцемъ вся земля согрѣта...

1887.

Щ Е Г Л Ы.

Въ саду, гдѣ шиповникъ алѣетъ,
Осыпанъ дождемъ изъ цвѣтовъ,
Ужъ съ ранней весны поселилась
Веселая пара щегловъ.

Когда они гнѣздышко вили,
Былъ садъ и печаленъ и пустъ;
Но птички его оживили,
И ожилъ родимый ихъ кустъ.

Нарядныя, милыя птички
Приютъ разукрасили свой;
Въ гнѣздѣ запестрѣли яички;
Шиповникъ одѣлся листвою.

Уборомъ цвѣтовъ своихъ алыхъ
Шиповникъ покрылся вездѣ,
А птички и птенчиковъ малыхъ
Ужъ вывели въ теплое гнѣздѣ.

Теперь весь шиповникъ алѣетъ,
Осыпанъ дождемъ изъ цвѣтовъ,
И свистомъ его оглашаетъ
Веселая пара щегловъ.

1887.

НОЧЬ НА РОЖДЕСТВО.

„ Спи, дитя! А утро встанетъ,
„ Ужь недолго ждать —
„ И какъ разъ пора настанетъ
„ Елву зажигать!“

— Мама, мама, мнѣ не спится:
Страшно и темно...
Точно кто-то все стучится
Въ темное окно!—

„ Богъ съ тобой! То вѣтеръ ходитъ
„ Да морозъ трещитъ...
„ Онъ теперь повсюду бродитъ,
„ Все прибрать спѣшитъ:

„ Заморозитъ снѣгъ летучій
„ И мятель унять,

„Разогнать скорѣе тучи,
„Пологъ съ неба снять.

„Просіяетъ, прояснится
„Небо—и тогда
„На Востокѣ загорится
„Яркая звѣзда—

„Та звѣзда, чей лучъ священный
„Возвѣстили волхвамъ,
„Что Христосъ новорожденный
„Въ міръ ниспосланъ намъ.

„Видишь, это лучше сказки...
„А теперь усни;
„Закрывай покрѣпче глазки,
„Богъ тебя храни!“

И ушла тихонько мама...
Дѣвочка не спитъ,
Видитъ, что въ окошко прямо
Мѣсяцъ къ ней глядитъ;

И при мѣсячномъ сіяньи
Дѣдъ Морозъ сѣдой

Въ бѣлоснѣжномъ одѣяньи
Съ бѣлой бородой,

По стеклу тихонько водить
Шубы рукавомъ
И узоръ хитро выводить
Точно серебромъ;

Разсыпая иней льдистый,
Бродить старый дѣдь,
Какъ парчею серебристой
Застилая слѣдь.

Разгоняетъ вѣтеръ тучи,
По небу помчаль,
Разметаль ихъ рой летучій,
Пологъ съ неба снялъ—

Небо ясно, чисто стало,
Тучекъ—ни слѣда.
На Востокѣ заблестала
Яркая звѣзда...

Заиграла, засвѣтилась,
Точно жаръ, горить;

Сорвалась и поватилась,
Къ дѣвочкѣ летить—

И въ окошко въ ней упала,
Описавши кругъ.
Тутъ малютка закричала
И проснулась вдругъ...

Смотрить: солнце свѣтитъ прямо
На подушку въ ней,
И вставать торопить мама
Дѣвочку скорѣй.—

1888.

СКАЗКА О ТРЕХЪ БРАТЦАХЪ, ГРЕЦКИХЪ
ОРѢШКАХЪ.

Три брата-орѣшка на вѣтвѣ одной
Росли, наливались и зрѣли.
Ихъ нѣжилъ все лѣто полуденный зной,
Лучи благодатные грѣли;
И въ звѣздныя ночи и въ яркіе дни
На вѣтвѣ родимой качались они.

Могучій орѣшникъ, что выростилъ ихъ,
Надъ озеромъ свѣтлымъ склонялся,
Купалъ свои корни въ волнахъ голубыхъ
И въ зеркалѣ водѣ отражался.
Вотъ кончилось лѣто, и осень пришла;
Окутала рощу туманная мгла;

Холоднымъ дыханьемъ повѣяло съ горь,
И время разлуки настало.
Рѣдѣтъ орѣшника пышный уборъ—
По вѣтру его разметало.
И слышать орѣхи—ужь вѣтъ зимой;
Пора оторваться отъ вѣтви родной!

И перваго—вѣтеръ холодный сорвалъ,
На землю листву отряхалъ;
На блѣкые листья онъ тихо упалъ;
Трава его скрыла густая,
И мало по малу, подъ слоємъ земли,
Осенніе вѣтры его погребли.

И сладко уснулъ онъ въ земной глубинѣ
До свѣтлой поры обновленья,
И грезилъ о милой цвѣтущей веснѣ,
И жизнь молодого растенья
Въ нетронутомъ сердцѣ незримо таилъ,
И нѣжный ростокъ подъ скорлупкой хранилъ.

Въ долинѣ туманъ залюбился густой,
Поползъ на скалистыя кручи;
Осенняго солнышка лучъ золотой
Прорѣзалъ тяжелыя тучи—
И все просіяло, смѣется кругомъ
Подъ этимъ желаннымъ и свѣтлымъ лучемъ.

Пушистая бѣлка глядитъ изъ дупла—
 Превесело солнце сіяетъ!
 И вѣтеръ утихъ, и разсѣялась мгла;
 Орѣшникъ отъ бурь отдыхаетъ...
 О зимнихъ запасахъ пора помышлять;
 Орѣхи поспѣли... Пойдти погулять!

Въ то утро второй изъ трехъ братьевъ упалъ;
 На кочкѣ онъ нѣжился мпшастой,
 И скоро въ проворныя лапки попалъ
 Къ хорошенькой бѣлкѣ пушистой.
 А бѣлочка очень была голодна,
 И съѣла орѣшекъ сейчасъ же она.

Потомъ осмотрѣлась... Глядь—люди идутъ!
 Ей страшно... И какъ не бояться!
 Едва убѣжала... Они уже тутъ,
 На дерево стали взбираться,
 И начали вѣтки скорѣй отряхать,
 Орѣхи проворно съ земли подбирать.

Съ другими тутъ третій, послѣдній орѣхъ
 Изъ братцевъ-орѣшковыхъ попался;
 Въ большія корзины сложили ихъ всѣхъ—
 Орѣшникъ сироткой остался...
 И тѣсно, и скучно орѣхамъ лежать,
 И стали отъ скуки они засыхать.

И моремъ, и сушей ихъ долго везли;
 Орѣхи про то и не знали:
 Вдали отъ родимой, отъ милой земли
 Въ корзинкахъ они почивали,
 Не вѣдая даже въ томительномъ снѣ,
 Что были давно на чужой сторонѣ...

Нашъ третій орѣшекъ вновь свѣтъ увидалъ
 Въ большой и разубранной залѣ;
 На блюдѣ хрустальномъ онъ смиренно лежалъ,
 А рядомъ—орѣхи сверкали
 Въ невиданной имъ скорлупѣ золотой..
 „Ужели,—онъ мыслить,—я тоже такой?..“

Глядитъ онъ, дивится—все странно кругомъ:
 Ни вѣтовъ, ни листьевъ шумящихъ...
 Онъ вспомнилъ о небѣ, о лѣсѣ родномъ,
 О птичкахъ, о пчелкахъ жужжащихъ,—
 И вдругъ очутился на вѣткѣ густой,
 Душистой, зеленой, хотя и не той.

Та вѣтка была зелена и густа,
 Но въ иглахъ, безъ листовъ нѣжныхъ;
 А все же живая ея красота,
 Лѣсовъ красота безмятежныхъ,—
 О деревѣ пышномъ, живомъ говорить,
 И имъ этотъ запахъ смолистый разлить!

И видитъ орѣшекъ: на вѣткахъ густыхъ,
На ленточкахъ яркихъ качаясь,
Не мало орѣховъ блеститъ золотыхъ;
И вдругъ, въ высотѣ загораясь,
Одинъ за другимъ просіяли огни—
И свѣтятъ сквозь темную зелень они.

Такъ звѣзды, бывало, горятъ въ вышинѣ,
Сквозь кружево вѣтокъ мерцаая,
А листья лепечутъ въ ночной тишинѣ
И свѣжесть струится ночная...
И вспомнилъ орѣшекъ о свѣтлой веснѣ,
О птичкахъ пѣвуньяхъ... Да вотъ и онѣ!

Вкругъ дерева звонко щебечутъ, шумятъ
Не птички, а дѣтки малютки!...
Ихъ свѣтлые глазки весельемъ горятъ,
И смѣхъ раздается, и шутки,
И радостный крикъ оглашаетъ весь залъ:
Счастливый орѣшекъ на елку попалъ!

1889.

НОВЫЙ ГОДЪ.

Дѣти! Новый годъ родился,
Въ снѣгъ блестящій нарядился,
Инеемъ горитъ,
И подъ пѣніе мятели
Въ мягкой, снѣжной колыбели
Безмятежно спитъ.

Убаюкаетъ малютку,
Скажетъ сказку-прибаутку
Матушка-зима,
И онъ выростетъ на славу,
Всѣмъ на радость и забаву,
Какъ придетъ весна.

Подъ горячими лучами
Снѣгъ распустится ручьями;
    Разойдется ледъ.
И, свободенъ отъ пеленовъ,
Бодро встанетъ Годъ-ребенокъ,
    Побѣжить впередъ.

Какъ царевичъ въ сказкѣ чудной,
Онъ въ одеждѣ изумрудной
    Будетъ щеголять,
И душистыми цвѣтами,
И румяными плодами
    Землю убирать.

Лѣто красное промчится;—
Станетъ въ золото рядиться
    Взрослый Новый годъ.
Съ золотистыми хлѣбами,
Съ ярко желтыми листьями
    Осень къ намъ придетъ.

Смолвнуть птички, гости юга;
Загудитъ, заплачетъ вьюга;
    Холодомъ пахнетъ;
Помертвѣетъ вся природа,
И въ вудряхъ волнистыхъ Гола
    Первый снѣгъ блеснетъ.

Опустѣтъ лѣсъ и поле;
Дѣдъ-Морозъ на вольной волѣ
    Выйдетъ погулять,
И снѣгами убѣленный,
Будетъ Старый Годъ почтенный
    Вѣкъ свой доживать.

На пуховомъ ложѣ снѣжномъ
Сномъ послѣднимъ, безмятежнымъ
    Старый Годъ уснетъ;
Но предъ смертью на прощанье
О себѣ воспоминанье
    Дѣтямъ онъ пошлетъ.

Снова, дѣти, передъ вами
Вся залитая огнями
    Елка промелькнетъ.
А ее вамъ посылаетъ
И на память оставляетъ
    Добрый Старый Годъ!

1887.

ГОЛОСА ПРИРОДЫ.

Я была недавно въ полѣ,
Гдѣ глубокій снѣгъ лежитъ,
И подслушала на волѣ,
Что природа говорить.

На равнинѣ бѣлоснѣжной
Ни одной души живой;
Только неба голосъ нѣжный
Слышу я надъ головой:

„Нужды нѣтъ, что я угрюмо
„И одѣлось въ сѣрый цвѣтъ;—

„Ты, пожалуйста, не думай,
„Что лазури больше нѣтъ.

„У меня за зимней тучей
„Спрятанъ воздухъ голубой,
„Свѣтъ горячій и могучій,
„Вешнихъ грозъ веселый строй.

„Я живу! Скажи ты дѣтямъ,
„Что поклонъ имъ солнце шлетъ...
„Вотъ ужю, весной, засвѣтимъ;
„Лѣто красное придетъ!“

А земля слегка зѣвнула
И въ просонкахъ говорить:
„Нужды нѣтъ, что я уснула:
„Все теперь подъ снѣгомъ спить.

„Но средь зимнихъ сновидѣній
„Скрытой жизни я полна,
„И безчисленныхъ растеній
„Согрѣваю сѣмена.

„Невидимо прозябають
„Всѣ цвѣты въ моей груди;

„Корни чутво ожидаютъ:
 „Что-то будетъ впереди...

„Я жива! Пусть дѣти знаютъ,
 „Что поклонъ имъ шлеть цвѣты,
 „Сладкихъ соковъ набираютъ
 „Земляничные кусты!“

Ледъ молчалъ, но слышно было,
 Какъ рѣка подъ нимъ журчитьъ:
 „Нужды нѣтъ, что я застыла...
 „Только сверху ледъ блеститъ.

„Волны свѣтлы и красивы
 „Въ усиленной глубинѣ;
 „Рыбки быстрыя всѣ живы,
 „Только спятъ теперь на днѣ.

„Лишь на время замолчали
 „Струйки скованной рѣки,
 „И нарядъ зеленый сняли
 „Водяные тростники.

„Я жива! Скажи ты дѣтямъ,
 „Что рѣка поклонъ имъ шлетъ:

„Мы другъ друга вѣрно встрѣтимъ:
„Любо имъ журчанье водъ!“

Такъ природа мнѣ шептала,
Пробудившись ото сна,
И навѣрно я узнала,
Что подъ снѣгомъ спить весна.

1888.

КАРЛИКИ ОСТРОВА РЮГЕНА.

Нѣмецкая сказка.

Недалеко отъ песчаныхъ померанскихъ береговъ
Зеленѣеть островъ Рюгенъ, царь остзейскихъ острововъ.
Городковъ его прибрежныхъ и селеній хороводъ
Точно въ зеркало глядится—въ глубину балтійскихъ
водъ,
И межъ ними городъ Рамбинъ, небогатый и простой,
Окруженный синимъ моремъ да пшеницей золотой.
Встарину весь островъ Рюгенъ полонъ былъ нечистыхъ
силъ;
Подъ землю мръ кобольдовъ копошился тамъ и жилъ:
Сколько жителей считалось въ этой мирной сторонѣ,
Столько карликовъ лукавыхъ жило въ темной глубинѣ.

По ночамъ изъ темной бездны на веселый Божій свѣтъ
 Выходили злые духи, чтобъ надѣлать людямъ бѣдъ,
 И любили порѣзвиться, поиграть у береговъ,
 Тамъ, гдѣ высатся надъ моремъ Девять каменныхъ
 Холмовъ.

Вотъ однажды, жаримъ лѣтомъ, на приморскомъ
 берегу

Двое дѣтокъ веселились и играли на лугу;
 Одинаково красивы, дѣтской рѣзвости полны,
 Были дѣти очень дружны, хотъ другъ дружкѣ не равны:
 Лиза, мельникова дочка, изъ семьи была простой,
 Ну, а Дитрихъ—важный баринъ, бургомистра сынъ
 родной!

Неразлучны были оба, да на грѣхъ стряслась бѣда:
 Лиза бѣдная пропала и исчезла безъ слѣда...

Въ этотъ день съ полей душистыхъ, гдѣ работала коса,
 Слышны были неземные, нелюдскіе голоса;
 Слышенъ смѣхъ и шумъ нездѣшній и волшебный
 звукъ роговъ

У таинственныхъ и страшныхъ Девяти большихъ Хол-
 мовъ.

А туда пошла малютка, чтобъ нарвать себѣ вѣнокъ,
 И ужъ больше не вернулась въ свой родимый городокъ...
 Долго дѣвочку искали, но, конечно, не нашли:
 Злые варливи бѣдняжку утащили вглубь земли
 И въ своемъ подземномъ царствѣ заточили навсегда;

Оттого она исчезла и пропала без слѣда...
 Такъ старухи говорили, такъ весь Рамбинъ порѣшилъ,
 И по Лизѣ, какъ по мертвой, въ церевѣ колоколь .
 звонилъ.

Годы шли; о бѣдной Лизѣ перестали вспоминать...
 Но какъ только выросъ Дитрихъ, онъ пошелъ ее искать.
 Къ Девяти Холмамъ пролѣтѣлымъ онъ подкрался въ
 поздній часъ

И таинственныхъ кобольдовъ подстерегъ на этотъ разъ:
 У подножья скалъ прибрежныхъ подъ музыку звучныхъ
 водъ

При лунѣ они плясали и сплетались въ хороводъ.
 Разсмотрѣлъ отлично Дитрихъ, притаившійся въ тѣни,
 Какъ кружились и кривлялись въ пляскѣ бѣшеной они,
 Какъ ихъ царь колпакъ волшебный въ этой пляскѣ
 уронилъ...

Подскочилъ проворно Дитрихъ, налету его схватилъ!
 Завопилъ противный карликъ, завизжалъ: „отдай колпакъ!“
 А ему на это Дитрихъ: „Дождидайся, какъ не такъ!
 Въ колпакѣ вся ваша сила; я тебѣ отдамъ его,
 Если ты меня проводишь въ нѣдра царства своего:
 Ты укралъ мою подругу—въ ней веди меня теперь!“
 Отомянулъ послушно карликъ горъ таинственную дверь;
 Въ глубину они спустились рядомъ каменныхъ ступень
 И вступили въ край волшебный: полумракъ—ни ночь,
 ни день.

На стѣнахъ хрустальныхъ гротовъ, залъ подземныхъ и
палатъ

Изумруды и рубины въ полутьмѣ, какъ жаръ, горять,
И алмазными огнями таеъ и искрится земля,
Какъ на солнышеѣ росю окропленныя поля.

Въ драгоцѣнныя чертоги карлиеъ Дитриха привель,
Усадиль его съ поклономъ за покрытый пышно столъ,
И красавица-дѣвица поднесла ему вина,
Хороша, какъ ангелъ Божій, но печальна и блѣдна.

Смотрить Дитрихъ, воспоминаеть, какъ прекрасный,
смутный сонъ:

Эту дѣвушку когда-то ужъ видалъ и прежде онъ...
Этотъ взглядъ и нѣжный голосъ... То она, сомнѣнья
нѣтъ,

Бѣлокурая подруга незабвенныхъ дѣтскихъ лѣтъ!

И она его узнала: задрожала, обмерла,

Дорогого друга дѣтства со слезами обняла:

„Ты-ли, Дитрихъ? Другъ мой милый, уведи скорѣй меня,
Дай мнѣ снова насладиться блескомъ радостнаго дня!

Ни лѣсовъ, ни горъ, ни моря я не вижу столько лѣтъ...

Дай ты мнѣ взглянуть скорѣе на прекрасный Божій
свѣтъ,

Дай услышать пѣнье птичекъ, ропотъ волнъ и шумъ
лѣсовъ,

Голосъ матери родимой, звонъ святыхъ колоколовъ!“—

„Слушай, карлиеъ“, молвилъ Дитрихъ: „выручай-ка
свой волпакъ!

Исполняй мои приказы,—не отвертисься никакъ...

Много лѣтъ бѣдняжку Лизу продержалъ ты взаперти,
Такъ теперь за всѣ обиды хорошенько отплати:
У тебя алмазовъ много,—дай ихъ намъ, и мы уйдемъ,
А тебѣ ужъ на прощанье, такъ и быть, колпакъ вер-
немъ“!

Почернѣлъ отъ злости карликъ, но велить мѣшки при-
нести
(Въ нихъ каменье въ драгоцѣнныхъ и не смѣрять, и не
счесть);

Лизѣ весь передникъ полный онъ насыпалъ тѣхъ камней,
И на Божій свѣтъ, на волю, вышелъ Дитрихъ вмѣстѣ
съ ней...

О, какъ сладко пѣли птицы, какъ шумѣлъ зеленый
лѣсъ,
Какъ свѣтло сіяло солнце средь безоблачныхъ небесъ!
На землѣ, на морѣ, въ небѣ—всюду жизнь и красота,
И рука съ рукой, ликуя, шла прекрасная чета.
Цѣлый городъ имъ навстрѣчу въ шумной радости спѣ-
шить;
Въ церкви рабинской, какъ въ праздникъ, громко ко-
локоль звонить.
И изъ той же самой церкви, той же свѣтлою весной,
Вышелъ Дитрихъ вмѣстѣ съ Лизой, молодой своей женой.
Путь ихъ вешними цвѣтами май цвѣтущій усыпалъ,
И на свадьбѣ ихъ веселой цѣлый городъ пировалъ.
А колпакъ волшебный Дитрихъ по условью возвратилъ,

Но продѣлѣи злыхъ кобольдовъ ужь навѣки прекратилъ:
У стеклянной двери въ гору онъ поставилъ крестъ святой,
Чтобъ нечистые остались запертymi подѣ землей.
А себѣ построилъ замокъ, флагъ на башнѣ распустилъ
И, счастливый и довольный, долго здравствовалъ и жилъ.

Переходить крѣпкій замокъ съ той поры изъ рода въ
родъ
И, какъ въ зеркало, глядится въ глубину балтійскихъ
водъ
Недалеко отъ песчаныхъ померанскихъ береговъ,
Гдѣ лежитъ зеленый Рюгенъ, царь остзейскихъ остро-
вовъ.

1889.

К О Н Е Ц Ъ .

СОДЕРЖАНІЕ.

Вмѣсто предисловія	СТР. 3
------------------------------	-----------

Посмертныя стихотворенія.

Лѣтнія видѣнія (Плавно по небу скользятъ облака золотыя)	9
Прудъ (Въ лѣсу есть прудъ глухой, заросшій тростникомъ)	10
„Цвѣтущая весна такъ много совершила“	12
Сестрѣ (Въ глухую ночь, когда бѣгутъ)	13
„Смотрю я на небо глубоко лазурное“	15
„Я знаю: намъ всѣмъ суждено умереть“	16
Вечерняя звѣзда (На ясномъ небѣ, въ часъ заката)	18
Старая любовь (Не упрекай меня, что я забыть не въ силахъ).	20
На Pointe (Ужъ тѣни сизыя, какъ дымкой, облекли)	21
Русалкѣ (Русалка милая! Вчера передо мной)	22
Родной (Ничего нѣтъ въ цѣломъ мірѣ)	24
„Покой глубокій, безмятежный“	26
Пѣсня (Весь небосклонъ горѣлъ звѣздами)	28
„На блѣдномъ золотѣ заката“	29
Память о веснѣ (Въ осенній день, въ садъ опустѣлый)	30
Журавли (Вчера еще лѣсъ опустѣлый)	32
Осенью (О, молодость моя, и вы, цвѣты живые)	34

Разныя стихотворенія.

Ночи (Сколько чудныхъ волшебныхъ ночей)	37
Сонъ (Когда ты, мой другъ, разлюбила меня)	39
„Когда несется вихрь и рветъ и гонитъ тучи“	41
Ожиданіе (Могучая весна природу разбудила)	42
Сирень (Полутру, на зарѣ)	45
Gondellied (Тихо, ласково колыхается)	46

	СТР.
„Въ молчаньи и въ тиши любовь свою тантъ“	48
Пѣсенка (Туча мрачная темнѣеть)	50
Весна (Я снова среди полей, среди уединенья)	52
„Зеркальнаго пруда поверхности блестящей“	54
Луна (Ночи богиня, въ одеждѣ своей сребротканной)	56
„Дѣтьми они были и вмѣстѣ играли“	58
„Смотрится небо съ улыбкою ясной“	60
„Буря жестокая вѣтви могучія“	62
„Обвей свое чело весенними цвѣтами“	64
На чужбинѣ (Чайка бѣлогрудая, чайка острокрылая)	65
Весной и зимой (Я твой взглядъ уловилъ)	66
Признаніе (На землю мертвую холодный снѣгъ ложится)	68
Ночью (Ужъ надъ гумнами душными)	70
Мой огородъ (Когда проснется день и въ зелени тѣнистой)	73
Жемчугъ и любовь (Въ глубинѣ морской, въ блестящей ко- лыбели)	76
Зимняя серенада (Вѣтеръ осени унылой)	78
Тройка (Ночью морозною, ночью холодною)	80
Рождественская легенда	82
Соловей (Вечерами, цвѣтущей весною)	87
Въ лѣсу (Тихо и чудно въ лѣсу вѣковомъ)	89
„Ужъ июнь... Пестро и ярко“	91
Елка и птичка	93
Царица-зима	96
Весенній привѣтъ (Еще поля обнажены)	100
Ручей (Ручейъ быстротечный бѣжалъ по камнямъ)	102
„Мѣсяць двурогій изъ тучки глядитъ“	104
Какъ зима за моремъ была	105

Изъ иностранныхъ поэтовъ.

Гимнъ Франциска Ассизскаго	111
Что волею дѣйствительно сказалъ Красной Шапочкѣ (Изъ Бретъ-Гарта)	113
Сіяніе звѣздъ (Изъ Лонгфелло)	115
Поэзія (Изъ Г. А. Бекѣра)	118
Любовь (Изъ Г. А. Бекѣра)	121
Серенада (Изъ Г. А. Бекѣра)	122
Офелія (Изъ Г. А. Бекѣра)	124

Изъ стихотвореній для дѣтей.

Хлѣбъ нашъ насущный	127
Христосъ воскресъ!	129
Ласточка (Когда весна къ намъ соберется)	131
Щеглы (Въ саду, гдѣ шиповникъ алѣетъ)	132
Ночь на Рождество	134
Сказка о трехъ братцахъ, грецкихъ орѣшкахъ	138
Новый Годъ	143
Голоса Природы	146
Карлики острова Рюгена	150

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

This book is due on the date indicated below, or at the expiration of a definite period after the date of borrowing, as provided by the library rules or by special arrangement with the Librarian in charge.

DATE BORROWED	DATE DUE	DATE BORROWED	DATE DUE

0055668941

891.7K865

L

NEH

891.7K865

L

KRASNOVA

STIKHOTVORENIIA

